

Н.Ф.ФЕДОРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ ТРЕТИЙ

Москва
«ТРАДИЦИЯ»
1997

ББК 87.3(2)

Ф 33

Редактор И.И. Блауберг
Художник В.К. Кузнецов

Составление, подготовка текста и комментарии
А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновой

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту № 96-03-16131

Федоров Н.Ф.

Ф 33 Собрание сочинений: В 4-х тт. Том III. – М.: «Традиция», 1997.

ББК 87.3(2)

ISBN 5-89493-003-0

© «Традиция», 1997
© Составление, комментарии и научная подготовка текста А.Г.Гачевой при участии С.Г.Семеновой

О ЗНАЧЕНИИ ОБЫДЕННЫХ ЦЕРКВЕЙ ВООБЩЕ И В НАШЕ ВРЕМЯ (ВРЕМЯ СОЗЫВА КОНФЕРЕНЦИИ МИРА) В ОСОБЕННОСТИ*¹

К запросам, заявленным к X-му Археологическому съезду в Риге:

№ 127-й. С.А. Белокуров. «Граф А.С. Уваров статью об обыденных церквах (Древности, Труды Московского Археологического Общества, ч. I-я: Материалы для Археологического словаря, стр. 47-я) оканчивает вопросом: «Откуда взялось в России обыкновение строить обыденные церкви»². Желательно было бы знать: было ли что-либо сходное, аналогичное с нашими обыденными храмами на Западе, и не оттуда ли они нами заимствованы, или же обычай строения таких церквей в години бедствий есть наше самородное явление»; и

№ 132-й. С.С. Слуцкий. «Желательно знать, было ли что сходное с нашими обыденными церквами и на Востоке, не только у православных греков, арабов, коптов, но и у инославных народов, армян несториан, у индусов, китайцев, в Тибете, Монголии, Японии и т.д.»³

Несколько слов о чрезвычайной важности этого древнейшего обычая, обычая построения обыденных церквей в години бедствий, для нашего времени, в эпоху конференции мира⁴, не может быть, полагаем, сочтено за уклонение от предмета занятий Археологического Съезда.

Обыденные церкви, как памятники единодушия и согласия, доказывают *положительно*, так же как конференция мира, превратившаяся почти в комиссию санитарного приготовления к войне, вместо умиротворения, доказывает *отрицательно*, что для человеческого рода возможен не мир, а союз для дела священного, общего, великого, *от коего зависит самая жизнь*, т.е. мир невозможен без союза. Такое дело и сделает невозможною войну. Союз народов возможен лишь в деле обращения орудий, употребляемых на войне, в орудия спасения от неурожая хлебов и от урожая болезнетворных зародышей (патогенных микробов), как об этом говорится в статье «Нового Времени» от 14-го октября 1898 г., № 8129-й – «Разоружение»⁵. Такое внешнее умиротворение вовсе не чуждо Археологии, ибо нравственная

* Приносим нашу глубокую благодарность нижепоименованным лицам, доставившим сведения, по которым составлена эта статья: М. Азанчевскому, В.В. Верецагину (известный художник); св. С.Е. Звереву (из Воронежа), св. И. Лаврову (из Нижегородской губ.), св. Ребрину (Пермской губ.), св. Т.Е. Чулкову (Вологодской губ.), Страхову (из Твери), св. Т.П. Тарбееву (из Калужской губ.), Ф.А. Михайлову (уездный начальник Мервского уезда); К.П. Афонину.

задача этой великой науки состоит в том, чтобы, собирая и восстанавливая памятники прошлого всех народов, соединить нынешнее живущее поколение, сынов-потомков, в любви к отцам-предкам, любви не мертвой, а животворной. Мы потому и называем Археологию величайшею и святейшею наукой, что без познания памятников и останков умерших, – познания не мысленного только, – невозможно объединение, братство живущих.

Строение обыденных церквей, будучи высшим выражением помочей и толков, есть произведение природы и всей истории русской земли, или континентальной части земного шара; вопрос же о них, поставленный Археологическим Съездом, относится и к ближнему и к дальнему Западу, к дальнему и ближнему Востоку, т.е. делается всемирным и вызывает на объяснение, что препятствовало или способствовало существованию обычаев, приведших к строению обыденных церквей, и что нужно, чтобы вызвать эти обычаи, т.е. чтобы умиротворение пришло во всей силе; построение обыденных храмов, одним днем строимых, есть *образ умиротворения*, ибо краткость срока, назначенного для построения, требует теснейшего внутреннего соединения, *внутреннего союза* для построения храма как внешнего выражения церкви. Этот обычай, обычай построения обыденных церквей, несомненно свойственный России, не указывает ли на призвание ее к делу умиротворения?!

Статья о храмах обыденных, и Спасообыденских в особенности, противопоставляет их, эти обыкновенно малые храмы, громадным средневековым храмам Запада, строившимся многие столетия и недостроенным *по причине розни – или по недостатку единодушия*, – противопоставляет их и громадным храмам Востока, которые хотя и доводились до конца, но как произведения гнета или ига. Таким образом, обыденные церкви отличаются от храмов Востока *добровольностью*, а от храмов Запада *единодушием* в деле созидания, что и выражалось, главным образом, в быстроте постройки.

Настоящую статью, говорящую о строении обыденных церквей, можно бы назвать «*Об общине в самом действии*», в работе, или труде, и притом в деле святом, в священнодействии, в литургии, так как при таком только действии община и бывает действительно общиною, т.е. единением, а не разобщением, внутренним общением без внешнего гнета, внутренним общением вместо внутреннего разобщения, сдерживаемого лишь внешнею силою. Только в деле может найти свое выражение и соборность, только в деле истинная соборность, а не в прениях, которые приводят к разъединениям; истинная соборность превращает догмат в заповедь, тем и утверждает его; таков догмат о Пресвятой Троице как образце или заповеди единодушия и согласия – умиротворения в деле всеобщем; только в смысле дела соборность и составляет истинное свойство православия, которое ныне есть печалование о розни и гнете; при объединении *в деле* устраняется то, что вызывает печалование, устраняется и рознь, и гнет; только при этом возможно будет жить не для себя только и не для других, а со всеми и для всех; жить же со всеми, т.е. живущими, – это братство, жить для всех, т.е. и для отцов, уже не живущих, – это отечество. Но чтобы жить со всеми живущими, т.е. с борющимися и гнетущими, или вытесняющими друг друга, не принимая участия в борьбе и гнете, или вообще в вытеснении, нужно, со-

чувствуя вытесняемым, не враждовать с вытеснителями, а чтобы избежать более и более борьбы и быть менее и менее гнетущими, нужно отказаться от стремления к центрам, из сел в города, а также и вверх, и участвовать лишь в спасении от общих всем людям бедствий, для чего уже не требуется ни борьбы, ни гнета. Должно жить не для себя только, но и не для других, а со всеми (братство) и для всех (отечество), потому что если жить не со всеми, а для других только, т.е. для некоторых, хотя бы и для многих, это значит, что, делая добро одним, будешь делать зло другим; должно жить со всеми живущими (братство), потому что большего уже нельзя, а меньшее безнравственно, и жить нужно не для обездоленных, что уже заключается в жизни со всеми живущими, а для тех, которые *всего лишены и для которых все нужно сделать*, т.е. для умерших, лишенных даже жизни; большего же дела, как возвращение самой жизни, быть уже не может, и потому это и есть самое высшее нравственное дело. Нужно не отказаться лишь от участия в борьбе и вытеснении, но и исправить все зло, которое причинила борьба, т.е. вернуть жизнь всем жертвам борьбы.

О народности в ее прошедшем и предполагаемом будущем и ответ на вопрос «*Что такое Россия*».

Не отрицая возможности существования и на Западе и на Востоке явлений, подобных строению наших обыденных храмов, особенно в древнейший период истории, подобно тому, как на Западе существовали общины, с которыми *не в близком лишь* отношении находится обычай строения обыденных (или обычных) храмов, *так как строение таких храмов есть сама община в действии*, как это уже было сказано, — итак, не отрицая возможности чего-либо подобного и на Западе, и на Востоке, мы, однако, решительно склоняемся к тому, что обычай этот есть явление самородное и притом самое характерное, заключающее в себе самые существенные черты нашей народности; словом, *вопрос о храмах обыденных есть вопрос о самой народности русской, о духе народном и об его проявлениях в делах хозяйственных, государственных и церковных — в прошедшем*, а также и о предполагаемом проявлении этого духа *в будущем*; и время проявления этого будущего, надо полагать, наступает уже, будем надеяться, что циркуляр 12-го августа 1898 г. об ограничении вооружений⁶ полагает ему начало.

Для построения обыденных (однодневных) храмов нужна и община лишь однодневная, но самого глубокого, теснейшего соединения, соединения бескорыстного, беспорочного, святого... Община, артель, собор очень многими считаются отличительной чертой славянского племени; но и первая, и вторая, как и третий, говорят лишь о соединении сил и не указывают на цель этого соединения, в обыденных же храмах указывается самая цель соединения сил, и мы узнаем эту цель, если вместо храма, который есть образ, сень, символ*, прообразование, поставим *действительность*, ему соответствующую; ибо новый завет есть *действительность — осуществление чаемого*, осуществление не в мысли только, не в слове, не в художественном образе, но самим делом, осуществление *чаемого* («чаю воскресения

* Символ имеет тесную связь с декадентством, если не переходит в дело.

мертвых»), т.е. исполнение делом – на самом деле – молитвы всех живущих о всех умерших. Таким образом, обыденные храмы есть не памятники лишь единодушия и согласия, но и предвестники общего дела спасения, или всеобщего воскрешения, которое в конференции, конгрессе или соборе и получит рано или поздно *всемирный центр*.

Смысл и значение построения обыденных храмов раскрывается, или становится понятным, при всестороннем рассмотрении этого построения; можно же рассматривать его и с религиозной стороны, как выражение религиозного подъема, и со стороны психологической, показывающей, вопреки утверждению западных психологов, что толпа, соединившись в святом деле построения храма, очищается от пороков, делается хотя и на короткое время святою, церковью, имеющею одну душу, делается способною на действие, которое может выразиться и не в одних только болезненных явлениях, психических эпидемиях... Можно рассматривать построение обыденных храмов и как помочь или толоку, как коллективный или кооперативный труд; но вместе с тем это не юридико-экономическое, а чисто нравственное явление, и внесение в помочи и толоки юридико-экономических интересов только искажает их. Можно рассматривать построение обыденных храмов и с географической стороны; рассмотрение с этой стороны указывает на лесную полосу, воспитавшую людей, способных к постройкам, плотников, и давшую материал для созидания обыденных храмов, указывает и на те климатические условия, которые требуют наибольшего соединения сил для совершения работы в наикратчайший срок; указывает также и на степную полосу, воспитавшую *«разрушителей построек»*, которые своими разрушительными набегами не допускали прочных построек и вынуждали к постройкам на скорую руку – *скородомов*, *скорогородов* и, так сказать, *скорохрамов*... В строении обыденных храмов участвовал и лес и поле (степи кочевников), зной лета и стужа зимы, словом, вся физическая и психическая природа континентальной глубины земной планеты... Рассматривая с исторической стороны, мы увидим, что обыденные храмы есть произведение Псково-Новгородской, пограничной с немцами, земли, а потом и Московской государственности. Сила, производящая обыденные храмы, с наибольшею энергиею проявилась в спасении русской земли от смут, вызванных самозванцами; та же сила проявилась и в 1812-м году, хотя и с меньшим напряжением. Мы не будем, однако, рассматривать здесь каждую сторону отдельно, так как все они находятся в теснейшей между собою связи; укажем только на обыденные погребения странников общею помочью и толоками большей части Москвы, от царя и его семьи. (См. «Богословский Вестник» – 1897 г., № 2-й.)⁷

Обычай построения обыденных храмов есть лишь наивысшее проявление наших помочей и толок, наивысшее выражение единодушия и согласия, обещающее великое будущее, когда единодушие и согласие будет проявляться не временно лишь и случайно, не в некоторых только отдельных местах, когда оно найдет приложение к великому общему делу, к всеобще-обязательному знанию, к знанию не пустому, а выражающемуся в общем деле, для которого, будем надеяться, конференция мира сделается центром, как об этом и было уже сказано.

В вопросах о храмах обыденных, обращенных к Западу и Востоку, заключается, или должен заключаться, и вопрос о помочах и толоках, т.е. вопрос о том – было ли что-либо подобное нашим помочам и толокам как на Западе, так и на Востоке. Хотя вопрос этот прямого отношения к археологии не имеет, но в вопрос историко-археологический он входит, и желательно, чтобы съезды не специализировали, а расширяли свои задачи.

Хотя в помочах и толоках⁹ единодушие и согласие проявляется в степени низшей сравнительно с проявлением его при построении обыденных храмов и прилагается не к такому святому делу, но зато в помочах и толоках единодушие и согласие выражается не в редкие лишь минуты, как при построении обыденных храмов, а постоянно, ежегодно, повсеместно, и притом как у русских, так и у инородцев, живущих в России*. Впрочем, постоянство и повсеместность помочей и толок, так же как и действие в них начала нравственного, есть еще *вопрос*, который может быть решен только тогда, когда, во-первых, помочи и толоки будут выделены из массы юридических обычаев, к которым их неправильно относят, как это будет видно из нижеследующего; во-вторых, когда сведения о них будут собраны отовсюду и особенно из дальних, *захолустных мест*, в которых они еще не подверглись или *мало* подверглись влиянию городской жизни, из тех мест, где живы еще былины времен старых, а также и от старообрядцев; и в-третьих, когда сведения – таким образом собранные местными интеллигенциями – будут разработаны не экономистами и юристами, а психологами.

В Русской земле – в земле общин, мирских сходок, артелей, братчин (что отразилось в самом устройстве при храмах *трапез*, или схожих изб, для поминовений, для пиров в храмовые праздники и для сходок – «Богословский Вестник», 1897, № 2-й⁹) *вопрос о помочах и толоках, так же как и о храмах обыденных* (вопрос психологии коллективной), *есть вопрос самый существенный и коренной*, и притом такой, который всей философии, всем частям ее, может дать иной вид, так как вопрос этот соединяет философию теоретическую и практическую в одну, *в философию проективную*; и это будет философия не субъективная и не объективная, и в ней не будет ничего, не относящегося к делу.

И помочь, и толока начинается призывом Бога в помочь и толоку. «*Бог в помочь*» есть обычное у нас, на Руси, приветствие всякому работающему; употребляется ли выражение «*Бог в толоку*», мы не знаем, и вопрос об этом также может быть поставлен в числе вопросов, на которые желательно получить ответы. *Помочь и толока* – слова однозначущие, и в одних местах толока имеет более обширный смысл, а в других помочь употребляется в более широком значении. В построении обыденных храмов помочь и толока

* Между прочим, существует *помочь* и у туркмен Мервского оазиса: «Богатые люди, имеющие большие посеы, если не успевают по недостатку рабочих рук справиться с уборкой хлеба, ссылают на помощь всех желающих и устраивают им угощение утром и после полудня, за что помочане и работают на их поле. Работа продолжается обыкновенно не дольше как до 2-х часов пополудни. Такие же помочи устраиваются для уборки посевов ишанов их почитателями, посевов вдов и малолетних сирот родственниками и знакомыми. В этом последнем случае помощь рассматривается как *жертва Богу*, богоугодное дело, и угощение не обязательно» (Из письма уездного начальника Мервского уезда Ф.А. Михайлова.). *Подарбежански помочь* – «er(h)ma».

возводятся в дело священное. Обыденный храм, как здание, есть произведение церкви в ее идеальном значении как общества, имеющего одно сердце и одну душу. Обыденный храм – это *жертва, приносимая всеми и за всех... Но помочи и толоки* и сами по себе не лишены священного значения: «работа миром за угощение»¹⁰ – выражение неточное и не свойственное патриархальному быту, а работа миром есть произведение именно патриархального быта; но работа здесь не товар, а угощение – не плата, и тем не менее этот бесплатный труд есть труд плодотворный, спорый, и самое слово *толочее* значит *спорее*. Угощение при этом есть выражение благодарности, есть как бы евхаристия, ибо работа толочан и помочан, т.е. братская, мирская помощь, завершается братскою трапезою, которая напоминает то, что называлось *agape*¹¹. Помочи и толоки – явление не экономическое, если даже угощение и принять за плату, ибо не будет соответствия между работою и платою за нее, и работа при этом вполне добровольна. Нет в помочах и толоках ничего и юридического, ибо это не наем, нет при этом ни торга, ни договора. Что помочи и толоки суть явления чисто нравственного порядка, а не экономического или юридического, это доказывают особенно помочи бедным. Так пришли однажды* на помощь к бедной вдове не целым, конечно, миром, а лишь несколько человек¹². Бедная вдова не имела ничего, чем угостить, чем бы выразить свою благодарность помочанам, и когда они окончили работу, так им говорила: «Касатики мои, мне нечем вас попотчевать, не обессудьте. Пошли вам, Господи, свою милость, родителям вашим – царство небесное», – и повалилась в ноги помогавшим ей, которые и не ожидали, конечно, никакого от нее угощения. Вдова не ограничилась пожеланием милости Божией работавшим, а пожелала и родителям их царствия небесного, т.е. это акт вполне религиозный. Помощь, совершаемая обыкновенно в праздники, не доказывает ли, что для наших крестьян *праздник* – не покой, не суббота, а дело, труд, не доказывает ли это, что наши крестьяне поступают в этом случае согласно с Евангелием, и не в праздности видят праздники¹³.

По словарю Даля помощь или толока есть сбор населения к одному хозяину по кличу для *дружной работы на один день*. Хозяин угощает помочан и этим способом *за один раз* снимает хлеб, выкашивает луг, молотит. *В этой однодневности помочи кроется и обычай созидания храма в один день...* Бывает толока и на вывоз назема, на рубку капусты, т.е. все делается сообща. Эта совокупная работа всех вместе *придает силу и энергию каждому* в отдельности, *увлекает ленивых, дает силу слабым*, словом – заражает, но заражает здоровьем, силою, вопреки мнению западных психологов, делающих свои выводы из наблюдений над народами вырождающимися... Работа помощью и толокою, кроме того, что она *дружна, спора*, сопровождается еще песнями и совершается с такою радостью и веселием, что один из описывающих полевые работы помощью сомневается, можно ли назвать их *страдою*. При таком дружном труде работа перестает быть бременем тяжелым и делается игом благим, добровольным. Без этой же сово-

* Это однажды повторяется на Руси очень часто, преимущественно во время так называемой страды, очень часто и повсюду.

купности не один лишь *крепостной*, но и труд *для себя* не кажется легким, не совершается с такою радостью; на людях же и тяжелый труд становится легким и делается радостным. Итак, вот что значит труд дружный, труд совокупный; такой труд есть возведение работы в искусство, в поэзию, в благое дело, в службу Божию, т.е. в этом совокупном труде соединяется искусство, нравственность и религия. Помочь и толока хотя и не имеют такого нравственного совершенства, как обыденные храмы, но они обыденны во всяком смысле, как в значении обыкновенного, постоянного явления, так и в значении однодневного, или обыденного, исполнения, совершения работы. Сама барщина была лишь злоупотреблением помощью – добровольное обратилось при этом в принудительное, сбор стал сгоном; но угощение осталось и у помещиков, оно делалось осенью, по окончании всех полевых работ. Насколько этот обычай был повсеместен, мы не знаем, и вопрос об этом также должен войти в число вопросов о помочах и толоках.

Помочи и толоки свойственны не только русским, но и инородцам, как это видно из «Обычного права» Якушкина (Библиографический указатель)¹⁴ и из приведенного выше письма г-на Михайлова; так что главным, по крайней мере, деятелем в обращении людей к совокупной работе, в приучении их к такой работе, был климат, дающий очень короткий срок для посева, покоса, жатвы и вообще – для всех сельскохозяйственных работ; а потому помочи и не могут быть предметом нашей гордости, если бы даже оказалось, что помочи принадлежат одной России, имеющей континентальный климат по преимуществу. Таким образом, в деле разъяснения вопроса о коллективной работе в ее прошлом, настоящем и будущем значении могут принять участие как те, которые делают русский народ носителем всех добродетелей, так и западники, т.е. те, которые видят в нем, в русском народе, носителя всех пороков, т.е. как любящие русский народ, так и ненавидящие его.

В некоторых местах помочи и толоки так исказились, что иной усомнится даже, точно ли они были когда-нибудь выражением единодушия и согласия. Однако есть еще места, где помочи и толоки – это приложение единодушия и согласия к хозяйственным делам – сохраняют характер религиозный, не юридический, а чисто нравственный. В статье «Раскольничья община на Вятке» Добротворского говорится: «Они (раскольники) во всем помогают друг другу, все почти работы делаются у них помочами, в круговую; причем на помочах не бывает ни капли вина: “не для выпивки ходим, а так, значит, за любовь”, – говорят раскольники, – “он мне поможет, а я ему”» («Русские Ведомости», 1884 г., № 24). Сохранили свои основные черты помочи и толоки именно в тех местах, где и доселе живы еще древние былины, а в прежнее время преимущественно строились обыденные храмы. Г.И. Куликовский («Олонецкие Губернские Ведомости», 1889 г., № 34-й) в помочах, устраиваемых крестьянами «ради кошения лугов, жатвы, запашки, кладки готового сруба на фундамент при постройке дома, привозки для него бревен, делания в новом доме печи» и т.п. видит привычку «издавна жить вместе, работать сообща»; «при этом, – говорит Куликовский, – на помощь одному обывателю приходит вся община или даже несколько близ живущих общин со своими собственными орудиями... при

возке для постройки дома бревен общинники являются со своими лошадьми, веревками, топорами и проч.; в лес едут и мужчины и женщины длинную вереницею в 20, 30 и более лошадей; лес рубится *сообща, сообща* взваливается на дровни, везется, и в два, три и четыре приема на деревенской улице воздвигаются целые горы бревен, привезенных помочью...» *Все это очень напоминает построение обыденных храмов*, заметим от себя. Затем «хозяин угощает помочан и начинает строиться; для рубки сруба нанимает он рабочих, но раз сруб сложен, та же помочь является к нему по первому его приглашению, разбирает весь сруб и перекладывает его на фундамент»... «Кладку балок, потолка, стропил, крыши и проч. производит опять наемная сила...» На строение печи, для так называемого *печebитья*, вновь приглашается помочь, привозится глина и начинается *печebитье**. «Работа идет весело и живо, под такт народных песен, и через каких-нибудь два часа большая крестьянская печь готова». После начинаются пляски и угощение и «помочане расходятся иногда только к полночи»... «Только что описанное чередование помочей с наемною работою будет тем понятнее, – говорит Куликовский, – если мы предположим, что в былое время крестьянские дома, или вообще здания, строились целою общиною; община ехала в лес, строила дом целиком; ... хозяин строящегося дома *из благодарности* предлагал работающим ряд угощений...» Помочи устраиваются всего чаще по праздникам и после обеда. «В заключение остается пожалеть, – говорит Куликовский, – что прекрасный обычай падает, прекращается...»

Помочи и толоки прилагаются не к одним хозяйственным нуждам, они имеют приложение и к государственным делам, а в некоторые эпохи помочи получали у нас необыкновенно широкое применение, как, например, в так называемое смутное время и особенно в безгосударное, когда Москва была занята поляками, а Лавра находилась в осаде или же едва вышла из нее. В смутное время русская земля была спасена взаимною помочью и толокою, конечно и при Божьей также помощи, выразившейся, между прочим, в деятельности Троице-Сергиевой Лавры¹⁵. Желательно было бы сделать сравнение способов спасения у разных народов в подобных положениях, т.е. в безгосударное время. Города сносились тогда между собою отписками, которых много собрано во II-м томе актов Археографической Экспедиции. Такова, например, отписка вычегодцев к пермичам, в которой говорится, что вычегодцы хотят со всею пермскою землею, от мала до велика, посоветоваться, чтобы жить и умереть вместе, друг друга ни в чем не выдать (№ 102-й, а также №№ 91, 97, 99 и мног<ие> друг<ие>)¹⁶. Не напоминают ли эти отписки тех посланий, которыми ссылались христианские общины времен апостолов и мужей апостольских!.. В этой переписке городов между собою о спасении земли заключается богатый материал для изучения мирского дела, а потому и следовало бы все акты, относящиеся к этой переписке, выделить из второго тома актов Археогр<афической> Эксп<едиции> (который к тому же становится ныне библиографическою редкостью) и, присоединив к ним акты такого же содержания из других источников, издать особую книгу.

* Печь – самое священное место; слова – *печища* и *огнища*.

Но не в смутное только время русская земля спасена была помощью и толокою. Действие их, т.е. толчок и помочей, есть явление непрерывное, хотя не единственное и не исключительное. В деле созидания и обороны, объединения и спасения Руси *всегда* принимала и принимает участие помочь и толока¹⁷, т.е. русская земля созидалась, восстанавливала свое единство и спасалась не одною обязательною и принудительною службою, но и *добровольною*. Помочи и толоки суть проявление добровольности, так же как принудительная служба есть следствие недостаточности или слабости доброволия. Полная добровольность есть выражение совершеннолетия, недостаток же добровольности есть следствие несовершеннолетия общества. Призыв князей домосковскую Русью был явным признанием слабости *доброволия* для защиты от степных варваров и для внутреннего объединения, и выражением достаточности его, т.е. доброволия, лишь для *невынужденного* подчинения призванной власти. Недостаточность доброволия для объединения в так называемый удельный период вызвала необходимость московского принуждения; тем не менее первое восстание, как и последующие против татар, против Мамаю и т.д., были произведением не одного принуждения, но и добровольной толоки князей и народа и постоянной помочи Божией, особенно явленной в благословении преп. Сергия и в подвиге двух великих добровольцев его обители, Пересвета и Ослябы. В 1812 году добровольная помощь не успела развернуться во всей своей мощи по причине скорого окончания войны, тем не менее добровольцев было много даже из интеллигентного класса, вопреки вольностям дворянства. Были добровольцы и в сербскую войну и в болгарскую, созидался добровольный флот¹⁸ – доброволие на суше и на море. Такое значительное участие добровольности, или толоки, одиночной и совокупной – *в прошедшем*, дает надежду на проявление еще большей добровольности – *в будущем*, если только целью будет поставлено не свободное государство, или царство своеволия, не жизнь для себя или для других (эгоизм и альтруизм), а царство доброволия, т.е. жизнь со всеми и для всех, или искупление от общих всем бедствий, для спасения от которых и воздвигались обыденные храмы. Надежда на полную замену принуждения добровольностью осуществится, если будет признано необходимым постоянное, непрерывное вызывание (расширение) добровольности, приучение к этой добродетели в виде побуждений к сверхдолжной службе, к сверхтребуемым, или добровольным, податям, а вместе если будет устранено все, что препятствует расширению добровольности, т.е. если добровольность будет употребляема именно на спасение от общих бедствий, а не на удовлетворение каких-либо частных выгод, что было бы злоупотреблением, а не *благим* употреблением добровольности. И тогда принуждение, как проявление несовершеннолетия общественного, стало бы ненужным, а единодушие и согласие, вызываемые чрезвычайными бедствиями и проявляемые до сих пор лишь в редкие моменты построения однодневных церквей, стали бы постоянными и были бы направлены против тех самых бедствий, которыми и вызывалось построение обыденных храмов, т.е. против моров, язв, голода и смерти. Государство, так же как и церковь, есть общество спасения от бедствий, общих всем *сынам* человеческим, от голода, мора, язв и – вообще – смерти, которую мы видим преимущественно, прежде всего – можно сказать – в

смерти наших родителей. Правда, обыденные храмы – это проявление самой доброй, самой благой воли – давно уже стали, по-видимому, лишь памятниками прошедшего; но дух, созидавший их, еще жив, как это и доказывает многими примерами священник Ребрин, наш зауральский корреспондент, которые мы и приводим ниже, принося глубокую благодарность за сообщение их.

Случаи, которые обыкновенно считаются за начало построения обыденных церквей, а именно построение церкви в 6504 г. св. *Владимиром* в Василеве в благодарность за спасение от печенегов, и построение церкви в 6530 г. Мстиславом в Тмутаракани в благодарность за победу над касогами, в строгом смысле не могут считаться таким началом, так как неизвестно, были ли эти церкви обыденными и совокупным ли трудом всех они были построены; относительно этих церквей несомненно лишь то, что *они суть церкви обетные*¹⁹. Но возможно, что и эти церкви были построены так же, как церковь во Владимире Волынском. А об этом храме, называемом в предании обыденным, говорится, что Владимир, возвращаясь с войны, велел взять каждому воину по камню, из этих камней и была сложена церковь (Волынь, Батюшков, стр. 76)^{*20}. Если и в Василеве была построена церковь так же, то должно будет признать, что построение церквей трудом общим, совокупным связано и с борьбою против кочевников, так что обыденные храмы были бы памятниками самого начала умиротворения степи. Сам Василев был из числа тех городков или крепостей, которые сооружались *Владимиром* по рекам Роси, Стугне и вообще на границе степи, т.е. на сторожевых линиях, как они назывались в государстве Московском. К храмам, воздвигнутым в короткий срок и совокупным трудом, совокупными силами, хотя и не однодневно, можно отнести построение при Ярославле, после пожара, церкви в Вышгороде^{**}, а также брянского Свенского монастыря 6796 (1288 г.): «по отпении оного (молебна) нача сам князь своима рукама со всеми при том бывшими на храм Божий, Пречистыя Богородицы, древа рубити и, совершив храм вскоре во имя Пресвятой Владычицы, честнаго славнаго ея Успения, и освятив, повелел служити собором Божественную литургию»²². Но возможно, что происхождение обыденных церквей связано с самим крещением русского народа и было первым делом новокрещенных, как это указывает предание о построении обыденной церкви в Угодичах

* Такой способ построения очень похож на легенду, и такие легенды существуют не в одной русской земле; это – легенда о могуществе совокупной силы, и эта легенда становится критикою, разрушающею миф, который приписывает действие многих лиц одному лицу – герою, гению.

** «Вышедши от князя, он (митрополит) собрал своих соборных священников и все духовенство и велел идти с крестами в Вышгород. И пришли к месту, где лежали святые (Борис и Глеб), а был с ними князь великий Ярослав, и поставили клетку малу (небольшую часовню или храмину, которая была поставлена в один день) на том месте, на котором стояла сгоревшая церковь. Архиепископ (т.е. митрополит), пришедши с крестами, сотворил в той клетке всенощное пение. На другой день пришел архиепископ со крестами (к тому месту), где лежали пречестные тела... И внесши (гробы) в ту храмину, которая была поставлена на месте сгоревшей церкви, поставили их поверх земли, на правой стороне» (Из сказания Якова мниха, «Чтения» в Обществе Истории и Древностей Российских», 1870, кн. 1-я). Голубинский. История канонизации святых в Русской Церкви («Богословский Вестник», 1894, июль, стр. 67 и 68)²¹.

([А.А.] Титов, Ростовский уезд, Москва, 1885 г., стр. 81). Это замечательное сказание применяет к Ростову то, что совершилось в Киеве, оно заставляет Владимира созывать ростовцев на общий крещатик, и угожане (Угодичи – село против Ростова, на противоположном берегу озера Неро) оказываются первыми, отозвавшимися на призыв князя. Не видно, чтобы крещению предшествовало какое-нибудь книжное научение, но очень видно, что угожане знают о христианстве именно то, что оно требует братской любви и согласия; эта великая добродетель – единодушие и согласие – и проявилась в построении в один день церкви. Сказание приурочивает это построение к 15-му июля, ко дню памяти Кирика и Иулиты, во имя которых и создается церковь, ко дню кончины (будущей) равноапостольного князя²³. Отсутствие предварительного научения показывает, что этот храм был уже и школою... По всей вероятности, и другие старые города имели сказания, в которых делают Владимира своим восприемником от купели; а так как *«народ русский крещен был без предварительного оглашения, или просвещения, т.е. крещение народа совершилось на том же основании, на каком крестят детей»* (Предислов<ие> к Сказанию о постр<оении> обыден<ной> церкви в Вологде. «Чтения в Общ<естве> Истории и Древно<стей> Рос<сийских>», т. 166-й)²⁴, то восприемник народа от купели должен был принять на себя долг всеобщего обязательного образования. Ни Владимир, ни его преемники не могли еще исполнить этого долга, а потому он все еще остается долгом, переходя от одного властителя к другому, особенно чрез помазание на царство.

Представление о крещении Руси было бы совершенно неверно, если, говоря о призыве князем угожан, мы забыли бы о самом князе, делавшем призыв, о князе, по приказу которого, как принято выражаться, русский народ пошел к купели; а этот князь на самом себе, на деле показал, что такое христианство: приняв крещение, Владимир распустил свой гарем, перестал казнить даже разбойников и разыскивал нищету... Какой катехизис, какой аргумент может быть сильнее этого примера?! Великий религиозный подъем, выразившийся в построении обыденного храма, и мог быть вызван только этим аргументом. И может ли быть бессмысленною толпою, как это принято думать, тот народ, для убеждения которого нужен был такой великий нравственный аргумент, тот народ, который в двух князьях-братьях (Борисе и Глебе), жертвах усобицы, канонизовал христианскую любовь и осудил раздор, предшествовавший самодержавию?!

Возникшие (по преданию) при самом насаждении христианства обыденные храмы были затем возвращены на Руси великими бедами. Хотя беды и скорби нередки на земле вообще, а на русской в особенности, тем не менее эти произведения бед и скорбей встречаются не часто. Если храмы, как внешнее выражение религии, суть произведения существ смертных, то обыденные храмы суть произведения чрезвычайной смертности, когда утраты учащаются и смертность* чувствуется особенно живо; известно, что

* Существует два определения *смертности* – одно философское, а другое религиозное, или христианское; христианское определение имеет в виду смерть не себя лишь, но и всех других, философское же определение знает только собственную смерть; с этой последней точки зрения и можно доказывать, что смерти нет (не обращая внимания на постепенное умирание, ослабле-

большинство обыденных церквей было построено во время моровых поветрий, и некоторые из этих церквей даже назывались моровыми:

«В лето 7041-е... поставил владыко Макарий церковь деревяну – моровую» (Новгородские летописи, 1879 г., стр. 125-я). «В лето 6898-е. И бысть мор Афонасьевский и поставиша церковь Афонасьеву в один день за соборною церковью в каменном городе Детинце, и свяща ю... архиепископ Иоанн с игумени и с попы и с крилосом святыя Софея... и преста мор» (Новгородская летопись, 1888 г., стр. 376, [Новгородские летописи, 1879 г.], стр. 37, 246). «В лето 6925 и 6926... по грехом нашим бысть мор велик и страшен зело на люди... И... поставиша церковь святыя Анастасии единым днем и бревна секущи того же дни, а в останочных бревнах поставиша церковь св. Илью... а новоторжене также у себе в городе единого утра поставиша церковь св. Афонасия и попове свящаше ю собором» (Новгородские летописи, 1879 г., стр. 257, [стр. 41] – л. 51 об., л. 52-й). «В лето 6932-е. Мор бысть... и по всей Руси, и в Литве, и в Немцех... Владыко Еуфимий постави церкву в Новгороде на один день за алтарем святыя София, святыи Спас Милостивый». (Новгородские летописи, 1879 г., стр. 50–51.)²⁵ 1420 г. «Бысть мор велик зело... начаша искати, где была первая церковь св. Власий, а на том месте стояше двор Артемиев... давши ему серебро и изрывше двор, обретоша престол и... в один день поставиша церковь во имя св. Спаса» (Псковская летопись, 18[37] г., стр. [53]). 1442 г. «В Пскове бысть мор велик зело; и князь... подумавше с псковичи, поставиша церковь в один день на Романихе Похвалу Св. Богородицы... и в тот день и литургию совершиша» (Псковская летопись, 18[37] г., стр. [74]). «В лето 6975 бысть мор велик зело в Великом Новеграде... и того дне поставиша церковь деревяну во имя св. Симеона... и освяти ю сам архиепископ» ([4] Новгородская летопись, 18[48] г., стр. [127])²⁶. «В лето 7035-е. Бысть в Великом Новеграде мор зело страшен... и поставиша церковь деревяную... во один день» (Новгородские летописи, 1879 г., стр. 321-я).

Кроме обыденных храмов в Новгороде и Пскове известно о построении такого же храма в Вологде: о построении этого храма сохранилось даже самое подробное сказание, напечатанное, между прочим, по двум спискам в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» 1893 г., т. 166-й. В 1571 году, 16-го августа, была построена Спасо-обыденная церковь в Сольвычегодске, по случаю начавшегося с 8-го июля поветрия, как это видно из письма от 7-го сентября 1894 года сольвычегодской обыденной церкви священника Тихона Евгеньевича Чулкова; церковь эта посвящена двум Спасам: нижняя – Спасу 1-го августа, а верхняя – Спасу 16-го августа. Из книги В.В. Верещагина «На Северной Двине», стр. 27-я, видно, что в Цивозере, на старом русле Северной Двины, Сольвычегодского уезда Вологодской губернии и до сих пор сохранилась обыденная церковь во имя Флора и Лавра, построенная ради избавления от мора на скот; калька этой

ние, старение), так как, по выражению Эпикура, «пока я жив, смерти нет, а когда я умер, то меня нет». Точно так же и Толстой, следуя основной философской заповеди – «познай самого себя», т.е. знай только себя, отрицает существование смерти, так как сам еще жив, а смерти других не замечает; напрасно инфлюэнца, а потом холера доказывали ему существование смерти, – для человека, знающего только себя, все эти доказательства остались бессильны.

церкви, как и Туровецкой, доставлены самим В.В. Верещагиным...²⁷ В 1533 году была построена обыденная церковь в Туровце Вологодской губернии, во время прихода неверных казанских людей (Труды археологического съезда, т. 3-й – «Сведения о городах и городищах, находящихся в Вологодской губернии»²⁸). Имеются сведения о построении обыденных храмов и в Устюге, обыденной часовни в *урочище* на Сыльве (приток Чусовой), которое слывет под названием «*Ермаково городище*»; в Кунгурской летописи, изданной Археографическою Комиссиею в 1880 г., говорится об этом так: «Мая в 9-й день доспели обещанием часовню на Городище том во имя Николая Чудотворца»; т.е. завоевание Сибири началось построением обыденной церкви; а «*через Сибирь*», говорит Кунгурская летопись, «искони всевидец Христос... зиждитель дому своего... чадебно предповеле проповедатися Евангелие в концы Вселенныя»²⁹.

Наибольшее число известных случаев построения обыденных храмов относится к северу России; Новгород и Псков, вообще Северная Русь была способна хотя на короткое время соединяться и создавала обыденные храмы; поэтому Северная Русь хотя и подвергалась страданиям и от нашествий, терпела и от казней при собирании, но не погибла. Южная же Русь, неспособная и к кратковременному соединению, не знавшая обыденных, в строгом смысле, храмов, Южная Русь подверглась полной гибели...

Эти в один день воздвигавшиеся храмы были памятниками, по большей части, *великих и вельми страшных* моровых поветрий, *по грехом* нашим бывших; эти храмы были также памятниками и раскаяния во грехах, вызвавших эпидемии. О точном обозначении этих грехов тогда не заботились, потому что не придавали большого значения знанию; но и в то время войны и усобицы, а также излишества одних и происходящая от того скудость других – что и влияло на усиление эпидемий – за добрые дела не принимались, а считались грехами, за коими и следовал гнев Божий в виде моровых поветрий. Поэтому-то обыденные храмы и были памятниками как однодневного единодушия и согласия, так и предшествовавших этому кратковременному единодушию и согласию и вызвавших его многолетних, вековых раздоров, войн, внутренних и внешних.

По причинам, или поводам, построения обыденных храмов, кроме *моровых и голодовых*, построение которых вызвано, которые были построены ради избавления от голода и от мора, нужно отличать еще обыденные храмы *мировые*, или *умиротворительные*, построенные в память собирания земель и избавления от нашествий, таковы обыденные храмы, построенные Иоанном в Казани, Нарве и т.п. К храмам *мировым*, или *умиротворительным*, нужно отнести и обыденную церковь, построенную на Ваганькове по случаю рождения наследника Василию (сыну Софьи Палеолог), которое отсрочило смуту на три четверти столетия³⁰. Если по этому случаю сооружен в один день храм, то необходимо полагать, что скорбь Василия о бездетности, или неимении наследника, разделял весь народ, что желание это было общее: как в долгом бездождии народ предчувствовал бедствия голода, так в неимении царем наследника народ предчувствовал страшную смуту, а затем и нашествия с Запада и Востока или Юга, хотя последнее, к счастью, в этот раз не исполнилось.

Москва, как столица земледельческого царства, в до-петровское время принимала самое живое участие в крестьянском ежегодном вопросе об урожае. Сами цари принимали участие в крестных хождениях к Илии сухому и мокрому, в молениях о ведре и дожде*. Народ вместе с царем соединялись в общей молитве о благорастворении воздухов и об умножении плодов земли не только в царствующем граде, но и во всем мире... Не говоря о главных пяти храмах Илии в Москве, и храмы Николая чудотворца (может быть, и других святых) делались местами моления об урожае. Не только Москва, торговые Новгород и Псков, вероятно, и другие города имели церкви Илии и Николы, сухих и мокрых³². Как для защиты от нашествия татар ежегодно собирались ополчения, так и для защиты полей от засух и ливней устраивались крестные ходы и моления, а наконец, строились и обыденные храмы, как высшее средство спасения от голода... Припомним, что первый на Руси христианский храм был посвящен пророку Илии³³. Храмы или статуи Перуна – у нас, как храмы громовержца у греков, были заменены храмами пророка-ревнителя Бога единого, давшего своему чителю пророку власть низводить дождь и заключать небо; на самом Олимпе у новых греков был – кажется и есть – храм пророка Илии... Гнев пророка обрушивается на тех, которые отождествляют Бога с громом и молнией, – словом, с природою, т.е. на пантеистов-язычников. Сам же он чтит Бога, который дает власть разумному существу над слепою, бесчувственною, жестокою силою, дает власть не только заключать небо и низводить дождь, но и возвращать жизнь умерщвленным этою силою; потому-то он, как и пророк Елисей, его ученик, суть пророки воскресители, возвращавшие жизнь, а не заменявшие живое мертвым идолом. Бог не только не гроза, Он и проявляется не в грозе, а в тихом веянии (3-я кн. Царств, XVII, 18).

Москва воздвигла храм «Илии обыденному» на «Скородоме», т.е. на том месте перед порогом у Москва-реки, куда пригоняли сверху плоты и целые дома в разобранном виде и где их опять собирали**. Таким образом, скорый, в один день сооружаемый, храм освятил место построения скорых домов. (См. в «Ч<тениях> О<бщества> И<стории> и Д<ревностей> Р<оссийских>», 1874 г., № 1-й.³⁴) Такие «скородомы» совершенно понятны в Москве, лежащей на границе леса и поля, или степи. Храм Илии обыденного у Пречистенки был ли в Москве, за Чертольскими воротами, первым храмом, посвященным пророку Илии? В земледельческой стране и Никола чудотворец стал спасителем от голодовок: Ильинка и Никольская были главными улицами даже в городе, или посаде Москвы (Китай-город).

В С.-Петербурге храмы пророка Илии могли быть лишь случайностью; и конечно, ни Илии, ни Николы, ни других святых с наименованием сухих и

* Установление крестного хода на воду 1 августа объясняется необходимостью в это время дождя для посева, причем в один день и на один лишь день воздвигалась на воде часовня. Хождения на воду в дни Преполовения и Крещения имеют основание в Писании, тогда как молебное пение на воде 1 августа, кажется, не имеет такого основания. Может быть, и Преполовение имело также отношение к весенним дождям, столь необходимым для урожая; а крещенское хождение и моление не имело ли связи с бесснежными зимами?!..³¹

** Лесной ряд между двух Ильинских переулков. В храме Ильи обыденного – икона работы знаменитого Симона Ушакова, царского изографа XVII века.

мокрых не могло быть в этом западном, европейском городе. Не знаем, было ли когда в Петербурге даже общее моление, с ходом, о дожде и ведре?.. Когда же к молитве о спасении от голода присоединится труд, тогда вновь восстановится соединение власти с народом не в молитве только, но и в труде.

В Спасо-голодовых и Спасо-моровых храмах заключается начало объединения для спасения, или решение санитарно-продовольственного вопроса в обширном смысле, как вопроса о смерти и воскресении. Моровые и голодовые обыденные храмы, как и храмы собирания, суть именно храмы континентальной страны. Внутренняя, континентальная, обширная, так сказать, сердцевинная часть материка, *страна* неурожаев от засух и от ливней (градобитий), *страна*, куда сходятся все пути *зараз*, т.е. моровых поветрий, или эпидемий, страна моровых и голодовых обыденных церквей не может не вызвать, наконец, санитарно-продовольственного вопроса в обширном смысле, т.е. как вопроса *об объединении всех в труде познания слепой силы природы, носящей в себе голод, язву и смерть, в труде познания природы*, как общего предмета крестьянской или сельской науки, которая должна иметь приложение в регуляции метеорических явлений земного шара, в противоположность науке городской в виде кабинетных или лабораторных опытов, имеющих приложение к мануфактурной промышленности. Санитарно-продовольственный вопрос в обширном смысле есть сама христианская, или крестьянская, религия, в отличие от религии магометанской, или кочевой, и от религии языческой, или городской. Для крестьянской религии внехрамовая *Пасха* – праздник весны, или возвращения жизни (годовое дело), – состоит в возвращении к праху предков (селу) для его оживления при посредстве крестьянской науки; а внехрамовая *литургия*, или общее дело, – дело дневное после дела всенощного, – состоит не в таинственном лишь обращении хлеба и вина в плоть и кровь, а уже в явном превращении самого праха в тело и кровь наших отцов, отцов всех поколений, близких и самых дальних, для регуляции всех миров всей вселенной, как близких, так и дальних. Пасха и литургия указывают на годовой и суточный периоды, указывают, следовательно, что *все время отдано делу, что разрушающее время* заменилось *воссозидающим, восстанавливающим делом*.

Музей Москвы, как столицы обширной континентальной котловины, окруженной длиною береговою полоскою – набережною океана – с такими выступами или полуостровами, каковы: Альпийский, или Западно-Европейский с Малою Европою (Балканским полуостровом), Малая Азия, Малая Африка (Аравия), Индия и Индокитай* и пред-американская Камчатка (Малая Америка?!..), – музей столицы страны неурожаев *от засух*, посылаемых степями Азии, и *от ливней*, посылаемых влажною Европою, музей столицы страны моровых поветрий (куда сходятся и оспа китайская, холера индийская, чума африканская, дурные болезни цивилизованных Европы и

* Индия (или Индо-Европейский полуостров), Индо-Китай и сам Китай составляют противоположность Западно-Европейскому, или Альпийскому, полуострову и могут быть названы Гималайским, или – точнее – Юн-нанским или Юго-Восточным Азиатским полуостровом.

Америки) предлагал после голода 1891 года и холеры 1892 г., в год юбилея Сергия, создать обыденный храм по подобию построенного преп. Сергием храма Пресв. Троицы как образца единодушия и согласия, и этот храм при музее сделать образцом для *храмов-школ*, при всех церквях в селах, и часовен-школ во всех деревнях, создавая их трудом и средствами всей России к пятисотлетнему юбилею открытия мощей преп. читателя Бога единодушия и согласия (см. Предислов<ие> к Сказанию о построении обыденного храма в Вологде в «Чт<ениях> Общ<ества> Ист<ории> и Др<евностей> Росс<ийских>», 1893 г., т. 166-й).

В этих же школах-храмах и школах-часовнях христианской – крестьянской религии предполагалось ввести и светскую крестьянскую науку для объединения всех в деле исследования слепой метеорической силы с производимыми ею неурожаями и эпидемиями, для осуществления христианского дела, для осуществления чаемого (Посл<ание> к евреям, XI, I). Образцом для этих школ, как выше сказано, должен был сделаться сам музей котловины, юдоли голода и язв, у которого вышка обратилась бы в обсерваторию метеорическую и метеоритов (падающих звезд, гроз и полярных сияний), а холм, или его подножие, в геологический разрез. Словом, Музей Московский должен бы сделаться всенаучным – по-крестьянски научным – образцом для сельских школ, сеть которых, этих музеев-школ, должна обнять всю срединную котловину, а частию и внешние ее стороны, к столетнему юбилею со дня смерти Каразина (см. «Наука и Жизнь», 1894 г., № 15–16³⁵).

Славянофилы много говорили о русской науке, но ничего определенного о свойствах и содержании этой науки сказать не могли, и это потому, конечно, что, воображая себя русскими, они были на самом деле иностранцами, и как иностранцы они не понимали, какое важное значение в жизни народа имеет *хлеб, обеспечение урожая*, и даже не подумали, чтобы именно это сделать предметом науки, что *именно в этом* заключается предмет и содержание русской науки, как для Запада предмет науки заключается в мануфактурном производстве; точно так же никто из славянофилов даже не подумал о применении способа, предложенного Каразиным, самый же правоверный из славянофилов – Хомяков – выдумал какую-то паровую машину для несуществующей русской мануфактуры и отправил ее на выставку в Лондон.

Какое значение заключается в теснейшем соединении сынов человеческих в мысли о Боге отцов, проявленной в создании Ему храма в один день? Не есть ли это дело благое, богоугодное, спасительное, ибо при создании обыденного, *в один день*, храма, *в мысли* о храме заключена *вся догматика*, *в теснейшем соединении содержится вся нравственность* (отечество и братство), *а в самом храме заключается совокупность всех искусств*, т.е. художество в его высшей, религиозной форме. Храм есть подобие всего мира, но мира, в котором нет смерти, в котором все воскрешено, хотя лишь и художественно только, ибо для Бога нет мертвых *в действительности*, а все живы, для нас же они (мертвые) живы *лишь художественно*. Значение храма выясняется из самого его происхождения, происхождение же храма тождественно с происхождением самого человека, с его *восстанием*, первым

подъемом (после падения), или вертикальным положением. Востав, человек, или сын человеческий, не оставил умерших отцов, скрытых в земле по физической необходимости, там лежащими, а представил их выходящими из земли (памятник-храм) и населяющими небо (свод храма). Такое объяснение происхождения храма мы почерпаем из самого Евангелия (Иоанна), из слов самого Господа, произнесенных тотчас после первого очищения храма от торгующих и кровавых жертв. «Разружьте храм – говорит Он о своем Теле – и Я в три дня Его воздвигну»³⁶. Это было первую проповедью Агнца (т.е. дитя), раскрывающей смысл храма и цель жизни*. Мы сами разрушаем храмы тел друг у друга и у самих себя, а созидаем лишь искусственные храмы**. Будем ли мы участвовать в воссозидании и естественных храмов, в чем бы и должно было состоять внехрамовое дело и цель жизни?! Конечно, нужно всеобщее образование, чтобы отчетливо представлялось всем строителям все, что заключается в создании всеми сынами храма Богу всех отцов. Заключается же в создании храма союзом сынов прототип предстоящего им искупительного дела, дела обращения слепой силы природы, проявляющейся в распадении и падении всех миров вселенной, в управляемую разумом всех воскресенных поколений, рассеянный прах коих облекает ныне весь земной шар. В этом спасительном деле всех сынов человеческих и проявится во всей силе и благодать Господа Нашего Иисуса Христа, любви Бога Отца и причастие Св. Духа. В обыденном храме, построенном сынами Богу отцов, и воплощено то образование, которого нет в настоящее время.

Созидание многоединством целого храма в один день указывает на цель и на дело человеческого рода – во всем его объеме по пространству и по времени; и в этом легко убедиться, если вникнуть в смысл каждого слова, входящего в это многосодержательное определение. Храм вообще есть подобие вселенной, очень низшее своего оригинала в действительности, но несравненно высшее его по смыслу. Смысл же храма заключается в том, что он есть проект такой вселенной, в которой оживлено то, что в нынешнем ее оригинале умерщвлено, – проект вселенной, в которой все оживленное стало сознанием и управлением всего, что было слепо. Храм самый громадный – мал до ничтожества сравнительно со вселенною, им изображаемою; но в этом ничтожестве по величине смертное, ограниченное существо силилось изобразить и даль, и глубь, и ширь, и высь необъятную, безграничную, чтобы водворить в нем все, что в природе слепой являлось лишь на мгновение, чтобы это эфемерное, по времени, существование стало обыденным по скорости восстановления, ибо чем короче срок восстановления, тем оно содержательнее, шире по объему, обнимая все прошлое. Необъятность, и мощь, и

* В действительности Христос воздвиг храм тела своего не в три, а в один день; ибо телесный храм, разрушенный при конце пятка, Он воздвиг, когда еще не поднималось солнце дня уже не недельного, а дела воскресения. Храм не есть действительное воскресение, а потому храмоборцам, иконоборцам, словоборцам – как Карлейль, – борцам против сознания, чувства, воли – как буддисты, – нужно указывать на воздвижение телесных храмов, т.е. на воскресение.

** Воздвигаем памятники пророкам, которых избил отцы наши³⁷.

жизнь изошрялся сын человеческий изобразить в храме скульптурно, барельефно, горельефно, живописно, иконописно, прибегал к звуку, к слову, к письму и, наконец, *в самом себе*, в живущих, *изображал умерших*; и в сем последнем совокупная молитва, выраженная во всем предыдущем, превращалась в храмовую службу.

В нашей земле, земле скородомов, скорогородов, обыденные храмы были не исключением, — это были скорохрамы, хотя такого названия и не было. Скоростроительство было совершенно естественным явлением в стране, богатой лесом, в стране лесистой, подверженной почти ежегодным нападениям и разорениям (сожиганиям) от обитателей степей, кочевников; и обыденные храмы суть необходимое и самое характерное произведение всех и природных и исторических условий страны, под защиту которой Запад, напротив, строил многолетние дома, многовековые храмы и тысячелетние города. Наши обыденные храмы, очень малые, низкие, деревянные, деревенские или сельские, получают свое полное значение только при сравнении с многовековыми, исполинскими, из прочного камня воздвигнутыми, городскими храмами Запада, которые были созданием не народа, а городских цехов. Растянутая на несколько веков работа созидания готических соборов не требовала ни наибольшего, ни теснейшего соединения сил, не требовала и высокого подъема, который был необходим для построения наших смиренных церквей. Многовековая работа немногих и без высокого подъема создавала колоссальный, *очень высокий* храм, но с малыми колоколами, что и *указывает* на слабость, незначительность собирательной, объединительной силы этих храмов, вследствие их безголосости или слабости голоса*, при чрезвычайной в то же время силе стремления у немногих, не прикованных нуждою к земле, ввысь, а вместе и врознь; малость колоколов указывает на молитву немую или шопотом, на молитву каждого про себя одного, указывает на отчуждение от земли городского люда, с землею не связанного. Это стремление ввысь, к которому располагают готические храмы, есть результат лишь обмана чувств, благодаря которому камень кажется потерявшим тяжесть, как бы одухотворенным, и приводит лишь к мнимому подъему, результатом которого является наибольшее падение, разъединение, наибольшая рознь. Рознь и осталась на Западе, когда стремление ввысь прекратилось и заменилось стремлением вниз; тогда и строение храмов заменилось строением фабрик. Вместе с низменными, промышленными и торговыми стремлениями развилось и стремление вглубь, т.е. религия заменилась философиею, но рознь при этом не только не уменьшилась, но все более увеличивалась и увеличивается. Наши обыденные храмы такую иллюзию производить, конечно, не могли... Храмы Запада были даже не многовековыми, а бесконечно или неопределенно-вековыми, т.е. оставались недостроенными по недостатку единодушия и согласия или же по отречению от стремления ввысь вследствие перехода от горнего к низменному, от подъема к падению, от средневекового к новому,

* Только в наше время задумали снабдить большим колоколом Кельнский собор, но этот колокол, благодаря способу звонить, существующему на Западе, посредством раскачивания не языка только, а всего колокола, оказался молчаливым.

от романтизма к позитивизму. Отчаяние, неверие остановило построение храмов на Западе. Но не временем лишь, употреблявшимся на постройку, и не малостью своею наши храмы отличались от западных; наши малые храмы были вместе с тем храмами пения и звона, голоса которых поднимались выше пиков готических храмов, голоса же этих последних (т.е. звон) вовсе не соответствовали их высоте; готические храмы – это колокольни, не оживленные звоном, немые или полунемые звонницы. Последний вздох умирающих отцов, отлетавший ввысь, к небу, указывал путь строителям готических храмов; храмы, стлавшиеся по земле и углублявшиеся в землю, хранили прах отцов; храмы же обыденные не удалялись, не улетали от праха отцов, а пением и звоном не отлучались и от душ их...^{*} Колоссальные храмы Востока не были неопределенно-вековыми, они не были и многовековыми, но в построении их выражалась не одна добровольность, а и внешняя власть; это были храмы Бога воев, Иеговы и Аллаха, или же Будды, бога отшельников, это были храмы Вишну или Тримурти, т.е. троицы рождения, разрушения и временного лишь возрождения.

Уже в первом известии о построении христианского храма – не в русской, а греческой церкви – мы имеем свидетельство, что построение это имело одно из существенных свойств наших обыденных храмов, а именно участие всех в этом построении, хотя и не личным [только] трудом, как это требуется для совершенства, но и деньгами. В слове св. Григория Нисского о житии Григория Неокесарийского говорится, что он, прибыв в Неокесарию, *«тотчас приступил к построению храма, потому что все деньгами и трудами содействовали этому предприятию»*³⁹. Но при этом не было самого существеннейшего свойства наших обыденных храмов, по которому они получили свое название, – не было однодневности. Наши малые обыденные храмы были произведением высокого подъема и теснейшего соединения, были произведением отечества и братства, были не целью, а средством, о сохранении их даже мало заботились; именно однодневность, или самый короткий срок при построении храма, и производила наибольшее согласие наибольшего числа в одном общем священном деле, т.е. воспроизводила, хотя и на короткий срок, то *«множество»*, которое имело одно сердце и одну душу (Деян., IV, 32) – именно однодневность построения приводила к тому, что, хотя лишь и на один день, воля Божия исполнялась и на земле, как на небе; а вместе и ощущалось пришествие царствия Божия, прославлялось имя Божие, и в совокупности, т.е. в согласном действии и единодушии всех, осуществлялось подобие Троидиному Богу. Кроме того, наши обыденные храмы, очищенные от денег в самом созидании, т.е. созидаемые

^{*} Западные храмы вообще служат выражением немой молитвы, потому что по самому способу звона не могут иметь больших колоколов. Рим же по отношению немоты превосходит неголосистый Запад, как видно из следующего места сочинения Золя *«Рим»*: «Воспоминания из времен набожного и сантиментального детства вызвали у Пьера (автора Нового Рима) негодование против римских базилик за отсутствие там колоколов, которые так нравятся смиреннoverующим народным массам. Для колоколов нужны колокольни, а в Риме имеются у церквей только башенки и купола, а настоящих колоколов нет. Уж по одному этому Рим не может считаться настоящим христианским городом с трезвонем и благовестом, в которых молитвы возносятся к небу звучными волнами и где над высокими колокольнями постоянно висят галки (но не голуби) и ласточки»³⁸.

добровольным трудом, и потому ближе всего подходящие к очищенному Христом от торжников храму, по однодневности созидания своего совершенно совпадают со временем воссозидания Христом храма своего тела, которое так же можно назвать обыденным, как наши обыденные храмы можно назвать трехдневными, ибо те из этих храмов, которые были начаты в пяток вечером, оканчивались к полуночи субботы на воскресенье. Быть, хотя на короткое только время, на один лишь день подобием Триединого, являлось для строителей обыденных церквей великим предзнаменованием. Если ни на Западе, ни на Востоке ничего подобного нашим обыденным церквям не было, то почему бы тому и другому не доставить себе случая испытать, хотя на миг, святость единства, вкусив же его, подумать накрепко об увековечении единства и устранении розни. Строение обыденных храмов, т.е. строение на срок возможно малый, наименьший, может быть образцом для соединенного действия народов и всего рода человеческого. Чем меньше срок, тем более требуется сил для совершения дела, или же чем более собрано сил, тем скорее совершится дело. Несмотря на различие между всеми этими храмами, т.е. между их строителями, есть между ними и глубокое единство, единство сынов умерших отцов. Эта попытка определить сходство и различие между нашими священными постройками и постройками или зданиями такого же свойства Востока и Запада имела целью лишь показать, какое глубокое значение и обширный объем, равняющийся всей всемирной истории, имеет вопрос о храмах обыденных. Наши обыденные храмы были, как выше сказано, не целью, а лишь средством соединения, о сохранности их даже мало заботились, так как в построении обыденных храмов имело значение самое соединение как выражение веры, надежды и любви. Строение храмов так же, как помочи и толоки, лишь воспитывало соединение – соединение, предмета для коего до сих пор не найдено, или – вернее – предмет этот до сих пор не сознан, хотя он и дан, указан самим храмом и совершаемыми в нем службами. Все наше горе, все наши бедствия, нестроения и неудачи – в отсутствии предмета для общего действия, для совокупной силы, в отсутствии или потере смысла и цели.

Только в коренной, в северной России, в лесном захолустьи *однодневность* или самый короткий срок для построения целого храма и совершения *полного* богослужения, как выражения всей мысли о деле спасения, признано самым богоугодным делом; и это свидетельствует, конечно, о цельности народного характера коренной Руси. В строении обыденных храмов выражается, что для Бога христианского, Триединого, нет ничего более удобного, как совокупный, многоединный труд от всей души, от всего сердца, всею мыслию (знанием) совершаемый. В скорости (в однодневности), в отдаче всех сил своих для совершения дела и выражается усердие, т.е. участие сердца, души, любви, ума и знания в деле общем. Жить *вкупе* есть и добро, и красно, этично и эстетично; а труд *вкупе* и в деле Божиим *еще выше*, еще величавее, еще прекраснее. Это и будет верховным благом (*bonum supremum*), когда труд станет делом всех живущих без всяких исключений, делом спасения всех умерших и тоже без всяких исключений.

При построении обыденных храмов все мысли и действия сходились в одном этом священном деле, и не только все порочное, но и все житейское не могло уже иметь места, жизнь всех и вся жизнь каждого была проникнута в этот, по крайней мере, день одним общим намерением, одною целью – домашнее превращалось, так сказать, в храмовое, отдельное родство в общее братство (стр. 13-я «Сказания о построении обыденного храма в Вологде». «Чт<ения> в Общ<естве> Ист<ории> и Др<евностей> Рос<сийских>», 1893 г., т. 166-й – «Не бяше бо тогда... татьбы... о житейском ничтоже помышляху» и проч.⁴⁰).

В Западной Руси, как видно из сочинения Малышевского «О придорожных крестах» (Труд<ы> Киев<ской> Духов<ной> Академ<ии>», 1865 г., № 11-й, стр. 323–428), и на славянском Западе, как это видно из сочинения М. Сперанского «О придорожных крестах в Чехии и Моравии и о византийском влиянии на Западе» (Оттиск из «Арх<ивных> изв<естий> и зам<еток>», № 12-й 1895 г.), в тех случаях, когда в Северной России строили обыденные храмы, ограничивались постановкою придорожных крестов и даже не часовен, назначенных хотя и для некоторых только служб; о целых же храмах для полной службы, как видно, и не помышляли. Это свидетельствует, конечно, о не цельности уже народного характера.

Итак, когда у нас единодушие и согласие созидало малые храмы, заключавшие в себе полноту христианской мысли и дела, и называло эти храмы по преимуществу *Спасами*, т.е. Спасообыденскими храмами, в это время Запад в лице пап задумал построить один огромный храм путем нечестивой продажи индульгенций, путем торга благодатью искупления или спасения, и тем вызвал протест – протест против всякого уже внешнего выражения, против *самого дела*, как ненужного для спасения, и даже, в конце концов, против слова, как это, *особенно*, на дальнем Западе. (Да и действительно, если человек не для того создан, чтобы *сказать* и *сделать* что-либо достойное Божества, то остается только молчать.) Таким отрицанием протестующие лишили себя радости участия в общем деле спасения и даже – вообще – радости общения, жизни вкупе, лишили себя *действительности* спасения, оставаясь в розни и при мнимом личном спасении. Таким образом, храм, посвященный св. Петру, стал в действительности памятником, с *одной стороны*, папского гнета, памятником присвоения, точнее – хищения спасающей и, конечно, *мнимо* спасающей, силы и страшного злоупотребления ею, а с *другой стороны*, он стал памятником протестантского спасения врознь, в одиночку, спасения лишь внутреннего, т.е. иллюзии спасения, – словом, храм Петра стал памятником *опротестованного католицизма*. И это делает понятным, какое важное значение имеет наименование у нас Спасами храмов, создаваемых совокупными силами; этими храмами сам народ дал ответ и католицизму, и протестантизму о том, как понимает он спасение, дал ответ самим делом, которым ясно выразил, что спасение возможно лишь общим делом, взаимною помощью при помощи Божией.

Припомним, что Москва и первый свой храм, еще на бору, поставила во имя Спаса⁴¹. И как жаль, что не сохранилось сказания, подобно вологодскому, о создании этого храма во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и мы не знаем, во избавление от чего, от язвы ли, от многодождия

или бездождия, или же от иного какого бедствия срублен этот храм, мы не знаем и того, в один ли день поставлен он; но что он построен совокупными силами, при помочи Божией, взаимною помочью, в этом едва ли позволительно усомниться при всеобщности помочей и толков на Руси, и в особенности в то время, в непочатом еще, девственном краю. *Особенно жаль теперь*, что нет этих сведений, *теперь*, когда Москве исполнилось уже семьсот пятьдесят лет ее существования, и ей пора бы знать о своем начале и особенно о начале своих храмов. Начав строение церквей с построения Спаса-Преображения, Москва в наше уже время присоединила наименования Спасителя, т.е. Спаса – по-древнему, к храму Рождества Господня (храм Христа Спасителя), свидетельствуя этим, что и ко всем Господним праздникам должно быть присоединяемо наименование Спаса, а в особенности к Воскресению, в котором заключается полнота спасения. Кремль и стал храмом праздника Воскресения, Пасхи, и станет, надеемся, провозвестником Спаса-Воскресения, т.е. спасения не от голода лишь и моровых язв, но и от смерти вообще, провозвестником спасения всех умерших («Международная благодарность», стр. 263-я, оттиск из «Русск<ого> Архива», 1896 г., № 2-й⁴²), ибо, как выше сказано, в Спасо-голодовых и в Спасо-моровых храмах заключается весь санитарно-продовольственный вопрос, заключается начало объединения для спасения или решения санитарно-продовольственного вопроса в обширном смысле, как вопроса о смерти и воскресении.

Время процветания обыденных храмов – *у нас*, совпав со временем появления и усиления протестантизма *в Германии*, относится к царствованию трех старших собирателей земли русской, и особенно ко времени последнего из них – Ивана IV и всероссийского митрополита Макария; а между тем как Германия торжественно праздновала четырехсотлетие своего разъединителя Лютера, Россия забыла о своем духовном собирателе – митрополите Макарии, четырехсотлетие которого почти совпало с четырехсотлетием Лютера. Светская история крайне несправедливо всегда относилась к митрополиту Макарию, приписывая самому Иоанну то, что несомненно принадлежало Макарию; даже Сильвестр заслоняет собою Макария, по стопам которого хотел идти св. Филипп митрополит⁴³, как сам выражался. Иоанн IV-й, когда он не был еще грозным по причине благотворного на него влияния всероссийского святителя Макария, участвовал, или – вернее – присутствовал при создании однодневного храма на старом Ваганькове (Никон<овская> Летопись, изд. 1789 г., т. VI, 1790 г., стр. 246-я). Затем и на крайнем Востоке тогдашней России, в Казани, и на крайнем Западе, в Нарве, а быть может, и во всяком городе, взятом Иоанном IV-м, созидался обыденный храм. Время *стоглава*, время Макария, было золотым веком обыденных или обычных храмов. Единодушие и согласие, воспитавшееся построением обыденных храмов, помочами и толоками в пору собирания, спасло русскую землю в эпоху распада, в смутное время, и много помогло восстановлению единства при двух новых собирателях, Михаиле и Алексее. С прискорбным отделением любителей страны (старообрядцев) от церкви, по-видимому, прекращается строение обыденных храмов; но не сохранился ли этот старинный обычай у самих старообрядцев, называющих свои общества святым именем согласия;

желательно было бы услышать от самих этих любителей и хранителей старины, строились ли у них обыденные храмы или часовни – у поповцев на Керженце, на Иргизах, на Вятке, у беспоповцев молельни – на Поморье, на Мурманех...

Отчего перевелись у нас, на православной Руси, обыденные храмы, об этом можно заключить из сообщения свящ. с. Микшинского Ирбитского уезда отца Н. Ребрин. В письме от 11 ноября 1895 г. отец Ребрин рассказывает: «в 1893 г. в одной деревне моего прихода нужно было построить каменную часовню; крестьянам желательно было построить ее поскорее, и они просили не отдавать работу с подряда – “мы бы ее в один день склади”, говорили они; и я верю, что они склади бы ее в один день, – в деревне больше половины кирпичников, сами кирпич делают, сами обжигают, сами и кладут; но пришлось *по закону* (?) отдать работу с торгов; ведись дело попроще, и часовня поспела бы в день... В другой деревне нужно было строить деревянную часовню; *как только вышел план*, крестьяне в один день срубили часовню снизу и доверху, осталась только отделка ее внутри и снаружи; а во всей деревне двенадцать лишь домохозяев...» Впрочем, Орловская Архивная Комиссия приводит несравненно более поразительный факт, свидетельствующий о препятствиях к построению в наше время обыденных храмов. «В 1794 году, в ночь с 1-го на 2-е июля, на Кромской площади г. Орла явилась часовня, неизвестно кем поставленная; она сделана была из тесин, забранных в столбы, и поставлена близ питейного дома. В часовне на пеньковой веревочке был повешен небольшой литой восьмиконечный крест с изображением распятия Христова; к кресту приклеены две бумажки, из которых на одной извещалось, что крест не освящен и его надо освятить и в часовне отслужить молебен, для чего положено двадцать копеек; а на второй бумажке писалось, что часовня эта поставлена для двух праздников. По этому случаю чуть не весь город пришел в движение: многие думали, что часовня нерукотворенная, и хотели служить молебен. Скоро, однако ж, удалось полиции открыть виновника постановки этой часовни в лице Макара Жонилова, кр<есть>янина помещика Похвиснева, который сознался, что часовня поставлена им на тот конец, чтобы она стояла всегда на Кромской площади и сбор в оную денег от добродетельных дателей употреблялся на богоугодные дела. Часовня была разобрана, а Жонилова высекли плетью на месте, где ему вздумалось поставить часовню, чтобы и другим *“неповадно было ставить такие часовни и подавать ими невежественным людям повод к суеверным толкам”*»⁴⁴. Нельзя не заметить, что это было приблизительно в то же время, когда Екатерина писала московскому генерал-губернатору об одном из юродивых, который носил вериги, – велела призвать этого юродивого, снять с него вериги и внушить, что это вовсе для спасения не требуется...

Хотя обыденные храмы, эти проявления самой доброй, самой благой воли, давно уже стали, по-видимому, лишь памятниками прошедшего, «перевелись на Руси», как это было выше сказано, но дух, созидавший их, еще жив, как это и доказывает многими примерами священник Ребрин, наш зауральский корреспондент; из письма его мы привели уже рассказ, свидетельствующий о причинах, по которым обыденные храмы перевелись

на Руси, – приводим здесь и рассказанные им примеры в доказательство того, что жив еще дух, созидавший обыденные храмы.

Но прежде, чем приводить эти рассказы, считаем долгом принести нашу глубочайшую благодарность как за эти сообщения, так и за побуждения других не оставить без ответа нашу просьбу о доставлении сведений об обыденных храмах и о преподобном Сергии. Хотя ни из Камышловского, Шадринского и Соликамского уездов в Пермской губ., ни из Ялutorовского и Ишимского округов Тобольской губ. мы не получили никаких сведений по интересующему нас вопросу, но это не только не уменьшает, а даже увеличивает нашу благодарность к единственному из всей Сибири отозвавшемуся на вышеозначенную нашу просьбу отцу Ребрину.

В письме от 11-го ноября 1895 г. свящ. с. Микшинского Ирбитского уезда, отца Ребрин, мы имеем описание построения каменного храма в такой краткий срок, как один день для храмов деревянных, т.е. в меньший срок построить каменный храм, по-видимому, уже нельзя: храм был заложен 15 июля, а в конце сентября окончен и колокола повешены. Из рассказа о последних днях построения храма видно, с какою необычайною быстротою шла работа: «когда докладывали колокольню, не хватило кирпича, – он был сделан, но не обожжен; тогда одни наскоро обжигают кирпич, другие железными лопатами разбирают его из печей и кладут на телеги; многие крестьяне при возке горячего кирпича телеги сожгли; одни носят известь, другие воду, кто песок, кто кирпич, каменщики не успевали укладывать кирпич, – столько было бесплатных ношателей; иные каждый день помогали бесплатной работой, а иным приходилось даже отказывать, так много было помощников. Подрядчик нанимал лишь рабочих, которые вели только стены, т.е. клали кирпич по краям стены, а набивать прокладку, заливать известью, приготовить все это – было много охотников не по наряду, а по желанию». «В постройке настоящего храма, – продолжает отец Ребрин, – руководил тот же дух, та же ревность, что побуждали наших предков к созданию обыденных храмов. Здесь не было ни мора, ни засухи, ничего внешнего, не давали и обета, а было внутреннее единодушие и согласие в “святом деле”, как говорит народ. И теперь церковь зовут “святая наша матушка”».

Отец Ребрин приводит и еще несколько примеров необычайно быстрой постройки каменных храмов при единодушном и бесплатном, конечно, участии многих; так в селе Иленском – «кирпича, извести, воды столько наносят, что леса подламываются, успевай лишь подрядчик». А в селе Усениновском и подрядчика не было, не было и архитектора, «а храм соорудили такой, что красоте его и горожане завидуют». Последний случай, нужно заметить, имел место еще сто лет тому назад.

Дух, созидавший обыденные храмы, в последнее время проявился, между прочим, в построении рабочими Бежицкого завода в один день храма из старых рельс. Газета «Русское Слово», напечатавшая известие об этом построении, об этом проявлении старого духа в новом виде, духа русского в западно-европейском одеянии, назвала его *добрым почином*. Брянский же «Вестник» выступил с возражением против однодневности построения храма из рельс. Но в этом возражении, или опровержении, можно видеть

блестящее подтверждение известия, напечатанного в «Русском Слове» под заглавием «Добрый почин»⁴⁵. По свидетельству самого «Брянского Вестника», храм св. апостолов Петра и Павла был трижды созидаем и все три раза в короткий срок: *в 1-й раз был* построен менее чем в полгода, ибо освящен в июне того же 1882 года, в который и заложен; во 2-й раз – в одиннадцать дней, зимою, в самые короткие зимние дни, от св. Спиридония (12 декабря, поворот солнца на лето, а зимы на мороз) до Анастасии-узорешительницы (22 декабря); постройка в такой короткий срок была обусловлена, конечно, желанием прихожан иметь храм к великому празднику Рождества Христова*, *и в 3-й раз* этот же самый, в одиннадцать дней построенный храм, по словам «Брянского Вестника», был перенесен в 1894 г. на другое место и освящен 15 января 1895 года. К сожалению, «Брянский Вестник» умолчал о времени закладки Петро-Павловского храма в первый раз и не обозначил, когда была начата переноска его в третий раз, хорошо, конечно, сознавая, что однодневность важна в смысле лишь кратковременности построения, важна потому, что требует наибольшего совокупления сил. В предисловии к «Сказанию о постр<оении> обыден<ного> храма в Вологде» сказано: «хотя бы не обыденные, но при всеобщем участии созидаемые», а «Брянский Вестник» именно и умолчал, каким способом построен вышеозначенный храм, т.е. наймом ли или же желанием и участием в работе самих прихожан, т.е. рабочих завода. «Брянский Вестник» не упомянул и о материале, из которого построен Петро-Павловский храм, хотя построение в один 1882 год два раза, причем во второй раз всего в одиннадцать зимних дней, а также и перенесение этого храма в 1894 году на другое место показывает, что храм этот был построен не из камня или кирпича, а по всей вероятности, из рельс и дерева. Нельзя не заметить, что на срок построения не может не влиять материал, из которого постройка производится; если возможны обыденные храмы из дерева, то для храмов из кирпича, по нынешнему у нас способу приготовления этого материала, однодневность невозможна, – для них будет *свой* кратчайший срок построения, соответствующий *однодневному* для храмов из дерева; точно так же и для храмов из старых рельс и дерева (вместе) будет, вероятно, свой наименьший срок.

Тот же дух, созидавший обыденные храмы, проявился, конечно, и в построении храма в с. Каширском Московской вол<ости>, Воронежского уезда и губернии, на деньги, вырученные за хлеб с участка земли, отведенного под общественную запашку. В конце восьмидесятых годов московский волостной старшина Петр Савельевич Афонин на сходе кр<естья>н с. Каширского, давно желавших иметь в своем селе церковь, предложил отвести участок земли десятин в двести пятьдесят и самим обрабатывать его, а деньги, вырученные за проданный с этого участка хлеб, употреблять на постройку церкви. Сначала Афонин встретил сильное противодействие своей мысли в лице самых влиятельных и авторитетных общественных и особенно в лице самого влиятельного из них – Мирона Ники-

* И желанием очень сильным, так как одиннадцатидневный срок, не говоря уже о холоде, но короткости лишь в это время дней, нужно превратить в трехдневный; а создать храм в три дня – подвиг не малый, судя, по крайней мере, по тем кратким сведениям, которые мы имеем. Только в сказке об Акире Премудром, помнится, храм созируется в три дня.

тича Полежаева, человека умного, бывалого и благочестивого; он доказывал всю невозможность постройки таким способом и предсказывал, что церковь никогда не будет закончена и общество только «захлестнется» этим делом. В конце концов, после долгих рассуждений, Афонин победил предубеждение. Был составлен приговор, отвели землю, запахали, засеяли, и первый урожай дал более десяти тысяч дохода, так что осенью же можно было начать заготовку материалов, а весной начать и работы. Следующие урожаи были также хороши, и года через четыре выросла великолепная, огромная церковь. Все поразились, что такой великолепный храм выстроен в четыре года без всяких денежных взносов, а трудом прихожан – трудом несколько не обременительным, оживленным, кратким. Примеру каширян последовали крестьяне пос. Бирюченского. Каширяне были очень благодарны Афонину за его идею. Все работы на земле, отведенной под общественную запашку, производились большею частью в праздничные дни и представляют большое сходство с помочами и толоками, даже с самим построением обыденных храмов; и, конечно, чем больше они будут представлять сходства с теми последними, как делом священным, как бы уже богослужением, тем совершеннее будет труд. Нужно не забывать, что храмы – и это особенно видно на храмах обыденных – не здания лишь, предназначенные для *молитвенного собрания верующих*, как выразился правительствующий синод в распоряжении, которым воспрещается устройство в самих храмах памятников и решеток над погребенными в них (в храмах), а дома молитвы и даже *сама молитва*... По рассказам сына предпринимателя⁴⁶, инициатора дела общественных запашек на построение церквей, хлеб, собранный с отведенного каширцами на построение храма участка земли, свозился к месту будущего храма; тут он складывался, тут и молотился помочью и толокою. Впрочем, последнее слово в с. Каширском и во всей той местности совсем неизвестно... В общественных запашках, отводимых на построение храмов, сама земля, плодотворная ее сила, призывается на священное дело строения храма, дома Божия; а если это будет храм-школа, в таком случае прах отцов, служа на построение храма Богу отцов, или храма-музея, служил бы тем самым возвращению сердец сынов к отцам...

В настоящее время, когда в проекте нового устава о народном продовольствии указываются, или допускаются, общественные запашки, желательно, чтобы часть их назначалась, или обращалась, на построение и содержание школ-храмов, и притом с обещанием поминовения *особенно, изрядно* всех участников общественных запашек и их родителей, с обещанием поминовения не именословного лишь, а в виде сказания об общем деле строения и о большем или меньшем участии каждого в этом деле, а также и в виде изображений всех строителей храма в молитвенном положении в нижней его части под иконами святых. Крестьяне, как говорят, весьма неохотно работают на общественных запашках, предназначенных для засыпки зерном общественных магазинов на случай неурожая, и потому очень важно дать хоть части этих работ священное назначение, так что крестьяне, выезжая на работу, знали бы, что они своим трудом приносят жертву Богу. Таким назначением этой части освящались бы все работы на общественных запашках, коих прямое назначение – обеспечение

от неурожаев, как часть санитарно-продовольственного вопроса, который должен бы быть религиозизован, ибо хлеб производится земледельцами, т.е. сынами, не для прокормления лишь живущих, но и для поминовения умерших. Храм-дом молитвы потому и соединяется с домом научения и познания – школою, потому что молитва приносится о том, чтобы Господь научил, открыл нам способы и средства спасения от голода и язв, как следствий наших грехов; и школа назначается не для научения только, но и для расширения области познания, и не в видах лишь знания зла и добра, а в видах искоренения первого, т.е. *зла*, и водворения последнего, т.е. *добра*. Введение общественных заповедей может быть также одним из очень важных средств приведения в исполнение проекта повсеместного построения храмов-школ, к пятисотлетию открытия мощей преп. Сергия⁴⁷.

Итак, оказывается, что не только не исчез дух, проявлявшийся в построении обыденных храмов, но, как мы сейчас увидим, возродилась и самая мысль о построении обыденного храма в год пятьсотлетней памяти преп. Сергия, в 1892 году. Эта мысль и не могла не возродиться в то время, ибо только в земле обыденных храмов – *этих памятников единодушия и согласия* – и мог родиться и воспитаться великий читатель Пресв. Троицы как образца единодушия и согласия, построивший братским трудом храм, который должен был служить зеркалом для введенного им общежития. Дух, одушевлявший преп. Сергия, был тот же дух, который созидал и обыденные храмы, и при чествовании памяти пр. Сергия очень естественно было возродиться мысли и о построении обыденного храма... «Тако възде на сердце гражданам еже создати алтарь имени Господню и сотвориша в сердцах своих обещание», – говорится в сказании о построении обыденного храма в Вологде⁴⁸; нечто подобное совершается и совершилось в наше время, в 1892 году: в № 254-м «Московских Ведомостей» этого года напечатана статья, предлагавшая создать обыденный храм при церкви Московского Румянцевского Музея пр. Сергия и Николая чудотворца – читателей Пресв. Троицы, – и создать этот храм во имя Пресв. Троицы. Предложение это было вызвано, *с одной стороны*, желанием видеть воочию тот храм, который пр. Сергий с братом воздвиг Пресв. Троице и который так живо описан митрополитом московским Филаретом⁴⁹, *а с другой* – и моровою язвою (холера), появившеюся тогда в Москве и во всей России, и даже в Западной Европе... Делая такое предложение, автор статьи, между прочим, говорил: «В наше время, когда напряженно идет разработка социальных вопросов и горячая борьба из-за них, когда ум человеческий в томлении мучается, ища и не находя в своих созданиях образца и руководства для общества, да воздвигаются вновь храмы во имя Св. Троицы, всевышнего, всесвятейшего, животворящего, единого, истинного первообраза для жизни общества». К сожалению, место это было пропущено редакцией газеты⁵⁰. Несмотря, однако, на такой пропуск, мысль, выраженная в статье (в форме письма к редактору), была встречена, по крайней мере, некоторыми с большим сочувствием, другими же с большим озлоблением, и хотя начали было стекаться уже пожертвования для осуществления этой мысли – одно пожертвование было даже в тысячу рублей, – но мысль, тем не менее, осуществлена не была. Противники постройки называли такой храм костром,

намекая на опасность от пожара. Но если бы храм был построен, то, конечно, из дерева, пропитанного огнеупорным составом; и такая постройка навела бы на мысль о необходимости пропитать огнеупорным составом и вообще все деревянное в музее; и тогда пожар в музее 1896 г. стал бы невозможен, был бы предупрежден...⁵¹

Спустя год, в предисловии к «Сказанию о построении обыденного храма в Вологде» (Чт<ения> в Общ<естве> Ист<ории> и Др<евностей> Росс<ийских>, 1893 г., т. 166-й) опять упоминалось об этой мысли, и она получила еще большее развитие: в статье 1892 г. говорилось: «да воздвигаются вновь храмы во имя Святой Троицы», а здесь указывалось уже на необходимость построения в память всероссийского чудотворца, чтимого и старообрядцами, к пятистолетию дня его прославления – 5 июля 1922 года – храмов Живоначальной Троицы при всех церквях во всех городах и селах, и в последних в особенности; причем эти храмы Пресв. Троицы, *хотя бы не обыденные, но при всеобщем участии создаваемые*, будучи, таким образом, плодом труда умственного и физического, плодом знания и искусства всей России, могут и должны быть школами, а вместе и хранилищами старинных икон, утвари, вышедшей из употребления, словом – должны быть и музеями, не пренебрегающими, по примеру древней Руси, и памятниками светского происхождения. И самые храмы по своей архитектуре и утвари должны быть изображением старины и отличаться не богатством, а скорее бедностью материала, но зато богатством содержания, как это и было в древней Руси, когда на ризах были изображаемы иконы вместо нынешних, ничего не говорящих, орнаментов. Это, быть может, было бы шагом к примирению и с старообрядцами. Все в храме-школе должно отличаться поучительностью и служить к тому, чтобы в умах и сердцах учеников ожила, воскресла старина. При таком праздновании памяти прославления пр. Сергия *храмы-школы, т.е. нераздельность крещения и помазания от воспитания и обучения детей, или нераздельность духовного от светского воспитания*, высшим – полным выражением которого было бы *усыновление Богу всех отцов, храмы-школы*, которые и в настоящее время *кое-где* сооружаются, были бы построены везде, по всей России, и это было бы новым посмертным чудом преп. Сергия. Для полноты всеобщего просвещения недостаточно, впрочем, сооружения только школ-храмов, где крещение и помазание не отделяется от воспитания и обучения, необходимо также и тюрмы обратить в исправительные школы, приблизив их к храму, и тогда покаяние не будет отделяться от исправления. Храм Пресв. Троицы, который предлагается воздвигнуть при церкви Московского Румянцевского музея, должен быть образцом для тех школ-храмов, которые предлагается устроить повсеместно к пятисотлетнему юбилею открытия мощей пр. Сергия. Эти школы-храмы, воздвигнутые повсеместно ради спасения от голода (от бездождия и многодождия) и моровых язв, не должны быть чужды изучению той силы, которая носит в себе голод, язвы и смерть, как об этом сказано в статье «*О памятнике Каразину*» («Наука и Жизнь», 1894 г., № 15–16-й).

Построение таких школ-храмов повсеместно не станет ли, вместе с тем, и исполнением со стороны преемников Владимира святого – долга всеобщего обязательного образования, принятого на себя и своих преемников св.

Владимиром как восприемником русского народа от купели. В наше время, когда леса почти истреблены, а построение храмов-школ повсюду является вопросом лишь времени, и притом самого короткого времени, храмы из железа вместо дерева, как храм, построенный из рельс рабочими Бежицкого завода, есть явление, в высшей степени замечательное. Старая Русь, при обилии лесов, строила в один день храмы из дерева; новая Русь, при оскудении лесов, нашла новый материал для созидания храмов совоюкою деятельностью и в такой же почти короткий срок. Этот новый материал, который будет становиться тем обильнее, чем более будут строить железных дорог, сделает возможным построение храмов-школ даже в безлесных степях, и может весьма облегчить осуществление плана празднования юбилея преп. Сергия построением школ-храмов, посвященных Пресвятой Троице, к 5-му июля 1922 года.

Построение совоюкою трудом *всех*, в среде коих господствует теперь *рознь*, источник бедности и всех пороков, построение школ-храмов Пресвятой Троицы, назначение коих поддерживать единство, постоянно держать мысль на высоте почитания Троицыного Бога, есть необходимое завершение всякой церкви. Просвещение прихода начнется лишь тогда, когда он поймет, что ничем не может так угодить своему покровителю, коему посвящен храм (будет ли то святой, Богородица или Сам Христос), как построением при своем храме храма во имя Пресв. Троицы, т.е. такого храма или церкви, которая приводит к познанию Троицыного, т.е. храма-школы. Школы-храмы Пресвятой Троицы, построенные общим трудом, заменят прежде бывшие баптистерии, которые у народа, принявшего крещение без оглашения, как крестят детей, и должны быть школами. Возликовал бы на небе весь лик святых с преп. Сергием во главе, когда узрел бы на земле при храмах, им посвященных, храмы Пресв. Троицы, которую чтут они на небе и которая была забыта на земле; т.е. велика будет радость на небесах, когда осуществится план, вытекающий из самого хода нашей истории, нашей жизни... И католики, и протестанты, магометане и даже евреи упрекают нас в том, что мы принимаем святых за богов, а иконы за живые существа, т.е. упрекают нас в язычестве и идолопоклонстве; построение же способом образовательным, качимским, как будет сказано об этом ниже, при каждой церкви школы-храма, посвященного Пресв. Троице, и есть действительное средство возвысить мысль и держать ее на высоте понимания высшего нравственного значения учения о Троице, как любви сынов и дочерей (любви детей) к отцам не только живущим, но и *особенно* умершим, по подобию безграничной любви Сына Божия и Духа Святаго к Богу Отцу; и такое раскрытие значения Пресв. Троицы устранило бы возможность как первого упрека, так и еще больше второго, ибо при понимании нравственного значения Троицынства станет немыслимым принятие икон за живые существа, так как иконопись делает лишь невидимых видимыми и до всеобщего воскрешения, когда мы узрим их (невидимых теперь) лицом к лицу... Что вышеозначенный упрек не совсем безоснователен и что избавить нас от этого упрека может лишь предлагаемое здесь средство, свидетельствует нижеследующий рассказ, вкратце заимствуемый из письма от 7-го ноября 1894 г. священника с. Алферьевского Мосальского уезда Калужской

губернии, отца Тимофея Павловича Тарбеева, и из приложенной к этому письму летописи с. Алферьевского, составленной отцом и предшественником отца Тимофея – Павлом Тимофеевичем Тарбеевым.

Село Алферьевское до 1764 г. принадлежало Троице-Сергиевой Лавре, а потому, как надо полагать, носило и доселе носит и другое название – «Тройчино». Храм в этом селе посвящен Пресв. Троице, а празднуются народом, как храмовые праздники, дни преп. Сергия, 5 июля и 25 сентября, т.е. праздник Троицы заменен праздником преп. Сергию; таким образом, св. Сергий даже предпочтен Пресвятой Троице. Чудный рассказ, записанный отцом Павлом в летопись села Алферьевского, о происхождении иконы, стоящей ныне в храме за престолом, свидетельствует, можно сказать, как сам преп. Сергий вразумлял жителей с. Алферьевского в их неправом предпочтении его, Сергия, Пресвятой Троице, которую сам преподобный чтит превыше всего. Монахиня Мария, везшая с собою крест с частицами в нем животворящего древа и с частицами мощей преп. Сергия, проезжая по Московско-Варшавскому шоссе, в одной версте от села Алферьевского, а следовательно, и от находящегося в этом селе храма Пресв. Троицы, обронила этот крест с мощами чудотворца; по желанию крестьян, нашедших его, крест был внесен в храм Пресв. Троицы, и, таким образом, преп. Сергий не остался вне храма чтимой им Пресв. Троицы, а вступил в него в виде частиц мощей, находившихся в кресте. А затем, когда крест был возвращен по принадлежности, монахиня Мария не решилась удержать его у себя, а сама написала икону, на которой представила образ Пресв. Троицы, несомый преп. Сергием и преемником его св. Никоном, врезала в эту икону чудотворный крест и прислала его в таком виде храму Троицы в селе Алферьевском, где он и поставлен за престолом. И не должны ли жители с. Алферьевского видеть в этой иконе прямой себе укор, который делает им преподобн. Сергий за оказываемое ему предпочтение пред Пресв. Троицею. Прихожане с. Алферьевского поступили бы согласно, конечно, с этим указанием пр. Сергия, если бы, не оставляя почитания самого преподобного, почтили бы Пресв. Троицу построением посвященного Троице храма-школы. И желательно, чтобы это новое, малоизвестное до сих пор, посмертное чудо преп. Сергия, получив всеобщую известность, внушило бы прихожанам всех в России храмов приобрести каждому приходу для своей церкви икону святого, которому она посвящена, несущего в своих руках Свято-Троицкий храм-школу (с изображением, например, на храме образа Троицы и с детьми внутри храма), и тем способствовала бы осуществлению плана построения школ-храмов во имя Пресвятой Троицы повсюду к 5-му июля 1922 года, т.е. к пятисотлетию юбилею прославления преп. Сергия.

В оправдание жителей с. Алферьевского должно сказать, однако, что не они одни предпочитают пр. Сергия Троице; так, называя посад при Троице-Сергиевской Лавре, вместо Троицкого или, по крайней мере, Троице-Сергиевского, как бы следовало, просто Сергиевским, не отдаем ли мы такое предпочтение Сергию пред Троицею, как и жители с. Алферьевского. Называя посад Сергиевским, мы делаем это, конечно, не думая, не сознавая того, что делаем, что говорим, но не указывает ли это, что мы все еще находимся в бессознательном, так сказать, язычестве; а между тем, Сергий, воз-

двигая храм Троицы, имел в виду, конечно, поднять, возвысить мысль, сознание обьязычившейся, надо полагать, тогдашней Руси. Сознательно греха против Троицы мы тут не совершаем, но бессознательно остаемся, очевидно, в язычестве... Тою же бессознательностью, недуманием о том, что говорят, пишут и печатают, обьясняется и то, весьма прискорбное, хотя вместе и поучительное явление, что та самая газета, которая радовалась, как доброму почину, построению обыденного храма из старых рельс, и радовалась этому особенно потому, что найден новый и обильный строительный материал, чем облегчается *«в значительной степени осуществление того плана празднования пятисотлетнего юбилея открытия св. мощей преп. Сергия, о котором говорится в предисловии к сказанию о построении обыденного храма в Вологде»*⁵², та же газета привела потом мнение преосв. Дионисия – Уфимского (умершего в 1897 или 1898 г.), который будто бы не позволяет в своей епархии построения храмов-школ, находя *«несовместимым помещение школы, где дети смеются, ссорятся, бранятся, рядом со Святой Святых, от которой классное помещение учеников в церквах-школах отделяется лишь тонкою перегородкою»*⁵³; как будто толстая перегородка помешала бы Всеведущему слышать брань?!.. И неужели возможно такое странное, чтобы не сказать более, мнение о церквах-школах и совершенно языческое понятие о Боге со стороны архипастыря?!.. Если детей нельзя допускать в храм, когда Святая Святых отделена тонкой перегородкой, то естественно рождается вопрос, возможно ли их вообще допускать в храм, т.е. когда Святая Святых ничем не отделена от храма?!.. Апостолы тоже не хотели допустить детей ко Христу; неужели, однако, и преемники апостолов могут повторить ту же ошибку?!.. Дети оказываются достаточно сильными, чтобы оскорбить святыню, а святыня будто бы бессильна облагородить свойственную детскому возрасту шаловливость?!.. Таким образом, указание на несовместимость школы с храмом не доказало ли, напротив, *безусловной необходимости* школы в храме Христа не только человеколюбца, но и еще более *детолюбца*. Отделение школы от храма полезно только для сохранения язычества... Припомним также, что Святая Святых помещается даже в тюрьмах, среди преступников, и никому еще и в голову не приходило находить это несовместимым; следуя же мнению, *приписываемому «Русским Словом»* Преосв. Дионисию⁵⁴, преступники, злодеи, разбойники никак уже не могут быть допущены в храм... На самом же деле, для полноты и действительности объединения самые тюрьмы необходимо было бы обратить в исправительные школы и приблизить их к храму, как об этом было уже сказано, чтобы таинство покаяния сделать действительным исправлением, дабы оглашенные и этого рода стали, наконец, верными. Митрополит Филарет в одном своем слове при освящении храма в тюрьме задался вопросом, возможно ли помещать в тюрьме храм, и нашел, что вопрос этот решен еще на Голгофе, где Христос был распят между двух разбойников⁵⁴. А такое разрешение вопроса не указывает ли, что храмы в тюрьмах должны быть посвящаемы благоразумному разбойнику, – в этом выражалось бы упование на успешность оглашения для обращения кающихся в верных.

Для доказательства того, что детям свойственна не одна шаловливость, весьма, впрочем, извинительная и неизвиняемая лишь теми, которые сами

никогда не были детьми или слишком глубоко забыли, что и сами были детьми, забыли, несмотря на то, что сохранять детскую чистоту, быть детьми есть первая обязанность христианина, – для доказательства того, что дети способны не нарушать лишь святость места, но и участвовать в созидании святого места, а таким святым местом нельзя не считать храм-школы, мы ссылаемся здесь на построение церковных школ в Мордовском и Русском Качимах Городищенского уезда Пензенской губернии. Хотя в Качимах строились не храмы-школы, а лишь церковно-приходские школы, но способ, которым строились эти школы, еще более применим к построению храмов-школ.

Школа в Мордовском Качиме была построена в 1892 году, в тот год и в то именно время, когда Москва ходила к Троице, и, быть может, по молитве паломников ко Пресв. Троице и совершилось это богоугодное и угодное именно Троиединому Богу соединение сил многих на единое дело, на построение церковной школы, цель которой заключается, должна и может заключаться только в увековечении союза единодушия, братства, в увековечении того чувства, которое только и уподобляет нас Троиединому Богу как образцу согласия и единодушия, по которому только и познаются ученики Христа. И мы не можем не надеяться, что событие это найдет, наконец, достойного ценителя и станет началом новой для нас жизни, и тогда явится не повесть, не поэма, а *быль* о том, как дети, т.е. сыны и дочери крестьян-мордвов построили школу с помощью своих отцов, родных и духовных (священника и учителя), и особенно с помощью тех двух мужей, которых можно назвать восприемниками, крестными отцами церковной школы, а именно – церковного сторожа (запасного унтер-офицера) и того великого мужика, который ходил по избам, просил, умолял и, наконец, достиг цели!.. Да будет имя его благословенно отныне и до века! Это качимский Каразин, тот Каразин, который на коленях умолял украинское дворянство о пожертвовании на устройство Университета; и больше, чем Каразин, потому что Каразин мог быть образцом только для немногочисленного сословия, а качимский мужик будет образцом для всех крестьян. Превознося работу детей и содействие к построению школы мужика, мы вовсе не желаем, конечно, умалить заслугу священника и учителя, от коих и стало известно о детях и крестьянине⁵⁶.

Качимское событие было описано не однажды, и ни разу не было оценено по достоинству, достойным образом. Писатель Епархиальных Ведомостей, по-видимому, не предполагает – а может быть, не говорит по скромности, так как и сам принимал в этом участие, – какое великое значение и смысл заключается в совокупной, согласной работе отцов и детей! А между тем, тут начало примирения отцов и детей, *«обратити сердца отцем на чада»*⁵⁷, что будет вполне понятным только в школе-храме, воздвигаемом всеми живущими для молитвы к Животворящей Троице о всех умерших, для молитвы, *неотделимой от труда общего, животворного*. Не можем не пожалеть, что автор Епархиальных Ведомостей даже унижает, – конечно, неумышленно – детскую работу, называя ее муравьиною⁵⁸; и это в то время, когда натуралисты, да и не одни натуралисты, стараются приравнять муравья человеку, хотя и не открыли еще, сколько известно,

школы в муравейниках, и совершенно ошибочно думают, будто нашли там погребение, подобное человеческому. Если в муравейниках и есть что-то подобное погребению, то оно подобно не человеческому, не религиозному и даже не гражданскому погребению, а такому, которое является пока, как идеал, в головах еще немногих, самых передовых интеллигентов, для которых погребение мертвых равняется удалению всяких нечистот; и когда идеал этот будет достигнут, осуществлен, когда будет достигнута высшая ступень прогресса, тогда, действительно, исчезнет всякая разница между человеком и муравьем и вообще животными... Еще более заслуживает сожаления мнение профессора канонического права (в «Богословском Вестнике» 1893 г., № 4-й), который хотя и называет качимское событие маленьким лишь по внешности, но очень знаменательным в жизни русской церкви, вместе с тем, приравнивает это событие к таким, ничего с ним общего не имеющим, явлениям, как учителя, трудящиеся за очень маленькое вознаграждение, находя притом в этой скудной плате не физическое только страдание, а нравственное якобы унижение, т.е. измеряя достоинство человека размером жалованья. Излагая качимское событие, профессор не удостоивает назвать по имени даже главных деятелей, крестьянина и сторожа, и обозначает их только буквами – М.В. и М.Б.⁵⁹; а между тем, кто знает, быть может, крестьянин Максим Васильевич Меркурьев и сторож Максим Белянин станут известными повсюду, где только будут школы, а имя профессора будет забыто подобно тому, как знаем мы имя бедного Лазаря и не знаем имени того богача, крошками со стола которого питался Лазарь; имя профессора будет забыто, конечно, не навсегда, а до тех лишь пор, пока не наступит всеобщее знание, знание всеми всех...

В соединении слабых сил детей на построение школы нельзя не видеть великой цели, ими без сомнения чувствовавшейся, сознававшейся, цели, которая соединяла их на добровольный труд. Здесь не бесцельный труд Золя, а вместе и опровержение самим делом, опровержение, вытекшее из искренних и чистых – в эти, по крайней мере, трудовые минуты – детских сердец, и опровержение самое сильное, толстовского «неделания»...⁶⁰ Кроме того, это построение школы детьми есть самое смелое нарушение всех законов политической и социальной экономии. На всем Западе ближнем (Европа) и дальнем (Америка) нашу великую быль назовут сказкою, баснею, и притом безнравственною, так как она научает труду безвозмездному, неоплаченному, труду, не ограниченному восьмичасовым сроком, труду детскому, труду, наконец, коллективному, труду толпы, который новейшею наукою уподобляется психическим эпидемиям, повальным душевным болезням. При построении Качимской школы, согласно сказанию, даже *нанятые* плотники трудились не как *наемники*, а как друзья школы. В чем выражалось это дружество к школе, в сказании не говорится; но нет сомнения, что плотники не уменьшали рабочего дня до восьми часов, не требовали шестнадцатичасовой праздности, плотники сознавали, конечно, что они трудятся для святого дела, и их труд был нравственно-образовательным. Не требование уменьшения труда, а требование участия в умственном труде, право на такой труд, право участия в нравственном деле, вот единственное законное требование, единственное законное право;

требование же уменьшения труда законным признано быть не может. (См. № 15–16, «Наука и Жизнь» 1894 г., эпиграф к статье «О памятнике Каразину» и 2-й столбец 250 стр. этой статьи – «Объединение всех в познании и воздействии на ту силу, которая казнит смертью (голод, эпидемии, землетрясения и пр.) за невежество»). Эта быль, т.е. самый факт построения школы соединенным трудом многих, несомненно доказывает, что *тому, что называют толпою*, или сбродом, ничем не выдающихся людей, не достает лишь поприща, не достает великого дела, чтобы стать героями. Для нас же эта быль, т.е. история о том, как дети построили школу, станет первой детской книгой (вместо всяких робинзонов, как полная им противоположность), первым уроком нравственности, которую будут читать не дети только, но и взрослые, и старцы. Эта быль станет выше Илиады, хотя и Илиада не войну описывает, а оплакивает павших на войне, выше Одиссеи, хотя Одиссея не о скитании только отца, но и об искании сыном отца рассказывает, не говорим уже о робинзонадах, которые имеют целью превознести одиночную работу, возможность для человека обходиться одними своими силами. Быль о построении детьми школы может и должна оканчиваться словами Христа: «*будьте как дети*», обращенными ко всем, к России, ко всему миру, словами, которые при построении повсеместно Свято-Троицких храмов-школ получают особенно великий смысл. Всякое село, создавая при своей церкви школу-храм, посвященный Пресвятой Троице – образцу единомыслия, единодушия и согласия, – создавая этот храм-школу трудом совокупным, будет, конечно, усиливаться превзойти Мордовский Качим, как в общей дружной работе, так и в отдельных случаях, в подробностях. Соорудив же храм-школу, всякое село получит свою былинку, которая станет началом летописи и истории образования этого села⁶¹, т.е. большего и большего объединения всех в труде постепенно расширяющегося познания неба (атмосферных и других явлений, познания земли как небесного тела, как звезды) и обращения, таким образом, людей в небожителей в нравственном и материальном смысле. (См. № 44 «Наука и Жизнь», 1893 г. «Вопрос о каразинской метеорологической станции в Москве»⁶². «Метеорология, как знание атмосферы, есть часть астрономии или сама астрономия. Наружную сторону атмосфер человек может видеть только на других планетах и солнцах, а внутреннюю и нижнюю может наблюдать только на земной планете».)

В Качиме было положено начало и картинному музею, и это начало имеет тем большее нравственное значение, что служит комментарием к словам Спасителя – «*будьте как дети*», а вместе и указанием на полное отсутствие племенной вражды, розни и даже на взаимное доброжелательство таких отдаленных в родственном отношении племен, как русское и финское. Ученики Русско-Качимской школы приобрели в складчину картину «*Двенадцатилетний отрок Иисус в храме*» и поднесли ее своим мордовско-качимским товарищам в день освящения их школы⁶³. Этим многозначущим подарком они пожелали своим собратьям быть подобными этому отроку, служить в своем храме Богу отцов, мордовских и русских, возрастая в премудрости и любви у Бога и у всех людей. Сказание не говорит, чем ответили своим русским товарищам ученики Мордовского

Качима, эти строители школы, положившие, как говорит сказание, краеугольный камень ее, усердие которых ставили в пример их отцам (стр. 856. Постр<оение> церк<овно>-приход<ской> школы в Мордовском Качиме); но чем они могли отвечать своим русским товарищам на такое благожелание, как не поднесением образа, или картины-иконы, как говорят ныне, – образа Христа, благословляющего детей, пожелав им быть этими детьми, получившими благословение от Христа; и было бы хорошо, если бы это пожелание могло быть выражено портретным изображением учеников Русско-Качимской школы. Такое изображение может показаться неприличным для новой протестантствующей России, но несомненно, оно было бы одобрено древнею Русью. Обменявшись иконами, мордва и русь стали бы крестовыми братьями, соединились бы в одно побратимство... Признавая всеобщее родство человеческого рода, нельзя, однако, не признать, что мордва и русь – родственники очень дальние, их родство не ближе родства англичан с американскими индейцами, а потому в сближении руси и мордвы заключается обличие розни очень близких по родству народов и племен, и обличие тем большее, чем родство враждующих ближе. Изображение строителей храма-школы каждого в отдельности и особенно в совокупной работе, подобно тому, как построение обыденного храма изображено в нынешней Спасообыденской церкви в Вологде*, могло бы положить начало музею картинному и портретному; это и было бы народообразовательным храмом и поучительным памятником-музеем, ибо школа-храм, посвященный Пресвятой Троице, есть лишь сокращенное выражение, полным же выражением было бы: *школа* как соединение всех *живущих* (детей-учащихся и отцов-учащих) и *музей* как собрание изображений всех *умерших* (лицевой синодик) *в храме Троицы*, оживотворяющей всех умерших чрез посредство, т.е. трудом или действием, живущих.

Для того, чтобы вполне оценить качимское событие, необходимо знать, как возникла та школа, ученики которой построили потом свое школьное здание. Оказывается, что до построения школьного здания Качимская школа помещалась в простой деревенской избе, обрубки дерева и кадушки заменяли в ней скамьи... Одно уже это начало заставляет ожидать многого... И действительно, из этой-то школы, созданной, можно сказать, из ничего, и вышли дети, строители новой школы. И очень будет жаль, если новая школа не сохранит на память будущим поколениям учащихся и учащихся хотя один из обрубков старой школы. Основателем этой первоначальной школы был человек, который мог бы занять место профессора в высшей школе (магистр духовной академии), но он предпочел низшую школу высшей, деревенское захолустье столичному, или городскому, житью. Школе, основанной в Мордовском Качиме магистром, предшество-

* «В превосходной стеной живописи нынешнего каменного храма, – говорит М. Толстой в статье, напечатанной в «Душеполезном Чтении», 1889 г., № 11, – особенно замечательны изображения, напоминающие историю храма, – на одном из них представлены губительные действия язвы: множество больных и мертвых, лежащих на улицах города и выносимых из города для погребения; на другом – начало построения обыденной церкви ночью, при общем участии граждан, на 3-м – окончание язвы, изображенное в радости коленопреклоненных жителей Вологды, взирающих на новосозданный и новоосвященный обетный храм»⁶⁴.

вала школа, основанная в Русском Качиме семинаристом, братом магистра-академиста, и вероятно, на тех же началах, т.е. деньги заменялись собственным трудом. «Полюбил он (магистр) всю душою школу, понравилась ему *жизнь в селе, жизнь при родителях*», – пишет отец этого магистра, уважаемый священник Русского Качима, благочинный своего округа, предназначенный, вероятно, своего сына к более видному, к более обеспеченному положению, чем сельский учитель, учитель даже не земской школы, а церковно-приходской, не имеющий и того скудного обеспечения, на которое может рассчитывать учитель земской школы... Вот это поистине плодотворное возвращение в село!.. И это еще не все... В Русском Качиме, как оказывается, существует, кроме того, еще двухклассная школа, основанная отцом академиста и семинариста, которая снабжает учителями из крестьян другие школы и даже школы соседних епархий, Саратовской и Симбирской, близ границ которых находятся Качимы⁶⁵. Приводим эти сведения из письма, не назначавшегося для печати, сообщенного нам одним, может быть, единственным жертвователем на Мордовско-Качимскую школу⁶⁶. Таким образом, Мордовско-Качимская школа, ученики которой сделали строителями школьного здания, как все истинно-великое, была создана, можно сказать, из ничего в материальном отношении; деньги явились лишь тогда, когда все существенное уже имелось, созданное одним трудом, и трудом, конечно, добровольным. *Обращение дарового в трудовое, принудительного в добровольное и есть задача школы, ибо труд есть высшая добродетель, уподобляющая нас Богу, создавшему все из ничего*. Безусловно, добродетель эта принадлежит только Богу («Отец Мой доселе делает и Аз делаю»⁶⁷), Который творит из ничего, – творение из ничего есть безусловное отрицание дарового. Построение Мордовско-Качимской школы, а также и других упомянутых здесь школ, если в построении их принимали участие дети, служит наилучшим опровержением противников школ-храмов, не желающих допускать в храмы ни школ, ни детей. Мордовско-Качимская школа есть также истинное проявление того духа, который выражался в прежние время в построении обыденных храмов; а если бы она была не церковною только школою, а храмом-школою в полном его выражении, т.е. соединяющем в себе светское и духовное; то в построении ее дух, созидавший обыденные храмы, нашел бы полное свое выражение.

Для того, чтобы возбудить движение в деле образования, необходимо создать сказание о построении Качимской школы, достойное события. К сожалению, не обратила внимания на это событие сама Лавра, хотя построение Качимской школы совпало с пятисотлетним юбилеем кончины преп. Сергия, а сказание об этом построении помещено в юбилейном, можно сказать, номере «Пензенских Епархиальных Ведомостей», в котором помещено и слово на день пятисотлетия, и статья о значении преп. Сергия в русской церкви и государстве⁶⁸. А между тем, не лежит ли на обязанности Лавры научить всю Россию чтить Пресв. Троицу, чтить так, как чтит Ее преп. Сергий, собственноручно построивший храм Пресвятой Троице как зеркало, как образец для собранных им в единожитие, не лежит ли на обязанности Лавры научить всю Россию чтить Пресвятую Троицу на деле – построением Ей храмов-школ совокупными силами и добровольным трудом;

и это было бы подвигом, равным подвигу Дионисия и Авраамия Палицына⁶⁹. Сказание о построении Качимской школы должно в себе заключать как похвалу Мордовскому Качиму за сооружение церковной школы *единодушным трудом многих*, так и пожелание ему расширить, возвысить свою церковную школу *единодушным трудом уже не многих* только, а *всех* без всяких исключений, до школы-храма, посвященного высочайшему образцу мира и согласия, Пресвятой Троице, чтобы, таким образом, стать ему, Мордовскому Качиму, зеркалом для подражания всей России вообще и интеллигенции в особенности, зеркалом для подражания *в делании совокупном, общем всех отцов, сынов и дочерей*, в делании, в труде, который есть величайшая, высшая добродетель... Выше мы уже говорили, что возликовал бы на небе весь лик святых с преп. Сергием во главе, когда узрел бы на земле при храмах, им посвященных, храмы Пресвятой Троицы, Которую чтут святые на небе и Которая была забыта на земле, т.е. велика будет радость на небесах, когда осуществится план, вытекающий из самого хода нашей истории, нашей жизни. Ликовала бы и земля, если бы только поняла, что ей предлагают... К сожалению, земля не пришла еще к этому пониманию, и когда придет, неизвестно; ликование же не только на земле, но и на небе зависит от земли, от нас и, прежде всего, от писателей, держащих ключи разумения в своих руках, от писателей, которые, к несчастью, знают лишь свои права и весьма слабо понимают свои обязанности, и особенно общую обязанность, общий долг, состоящий в содействии к созданию школы-храма, а вместе и школы-музея, т.е. такой школы, в которой не будет вражды между духовным и светским, где то и другое найдет свое примирение, такой школы, которая имела бы характер священный и даже в высшей степени священный, потому что была бы школою-храмом, посвященным (в память преп. Сергия) Пресв. Троице. Такая школа, надо надеяться, не нашла бы врагов и в лице тех, которых имела своими врагами Качимская школа, и имела, может быть, только потому, что была школою, хотя и церковною, но не храмом-школою.

Судя по тому, что Качимская церковно-приходская школа вызвала пожертвование со стороны светского писателя, автора «Разбор взглядов Золя, Дюма и Толстого на труд» (Кожевников – «Бесцельный труд. “Не-делание” или дело»), можно полагать, что школы-храмы, посвященные Пресвятой Троице в Ее высоко-нравственном значении, в духовно-социальном, так сказать, смысле, школы-храмы, которые должна создать себе русская земля повсеместно ко дню памяти своего духовного просветителя и собирателя (преп. Сергия) и присоединить к ним, ко дню памяти основателя светского просвещения (основателя М<инистерст>ва Народ<ного> Просв<ещения> – Каразина), школы-музея, можно полагать, что такие школы-храмы и школы-музеи⁷⁰ вызовут, по нравственному долгу, налагаемому историею, пожертвование не народа только, который охотно жертвует лишь на храмы, но и интеллигенции, готовой, быть может, жертвовать на школы и мало расположенной давать что-либо на храмы; вызовут пожертвования на то, что не может быть создано трудом непосредственных строителей, и пожертвования не деньгами только, но преимущественно вещами, церковною утварью с археологическим характером, книгами, инструментами и т.п.; и

таким образом, в этом юбилейном труде приняли бы участие все... Однако, для того, чтобы вызвать пожертвования на школы-храмы со стороны интеллигенции (в пожертвованиях со стороны народа, по примеру Качимской школы, можно не сомневаться), – со стороны интеллигенции, привыкшей смотреть на отделение духовного от светского как на какое-то благо, нужно, чтобы интеллигенция признала обращение дарового в трудовое, принудительного в добровольное, и вообще, труд общий, совокупный – за высшую добродетель, за такую добродетель, которая *безусловно* приписывается только Богу, сотворившему все из ничего, ибо творение из ничего и есть безусловное отрицание дарового, наперед данного. Творить из ничего человек не может, а Творящий из ничего может, конечно, чрез него, чрез человека, воссоздать и создать все. Превращение дарового в трудовое и есть осуществление цели, блага, добра, царства Божия, бессмертия, воскрешения.

По первому вопросу⁷¹, поставленному под заглавием этой статьи, т.е. по вопросу *«было ли что-либо сходное, аналогичное с нашими обыденными храмами на Западе и не оттуда ли они нами заимствованы»* в «Русском Архиве» за 1894 год помещена заметка, в которой этот вопрос поставлен на психологическую почву, *на почву коллективной психологии*⁷²; а с этой точки зрения построение обыденных храмов должно признавать проявлением религиозного подъема, т.е. оно будет соответствовать тому, что на Западе – и особенно на дальнем, в Америке, – называется ревивалиями, ревейлиями, т.е. возрождениями, пробуждениями, религиозных чувств, точнее же их можно бы назвать религиозными взрывами. Эти религиозные взрывы бывают преимущественно в Америке – в стране гражданского и политического равенства и *неравенства* религиозного, в стране, где, можно сказать, для бедных нет религии, нет храмов, нет места и ничего, что бы служило для удовлетворения религиозного чувства бедных, так как в американских храмах все места на откупе и за дорогую цену, а потому, чтобы войти в американский храм, нужно прежде дорого заплатить за это⁷³.

Наши религиозные подъемы, созидавшие в один день – или ночь – храмы, вызывались естественными бедствиями, каковы засухи, эпидемии и т.п. В малом виде эти подъемы совершаются у нас очень часто, почти каждый год, а иногда в одно лето несколько раз, и выражаются в общих молебнах о дожде, крестных ходах по полям и т.п. Высшего же своего проявления подъемы достигают в години необычайных бедствий и выражаются построениями обыденных храмов. Западные ревивали, каков, например, ревиваль 1857–58 гг., начавшийся в Нью-Йорке⁷⁴, вызываются обыкновенно промышленными и торговыми кризисами. Оживление религиозное и у нас, и на Западе начинается раскаянием; но тут и оканчивается сходство. Наше раскаяние не ограничивалось сокрушением, а переходило в дело, в дело созидания храмов, которое совершалось по решению целого мира (т.е. на вечах, мирских сходках), к такому решению приходили мгновенно, единодушно, без всяких прений; на религиозных же митингах в Америке раскаяние проявлялось в самобичеваниях, переходивших *«в вопли, рыдания, в стоны, в крики, в скрежет зубов, в терзание волос»*. Такое раскаяние проявлялось первоначально у немногих, наиболее к тому расположенных, затем мало-помалу заражало и других, переходило на всех, а в некоторых

доходило до высшей степени, *«до бешенства, до конвульсий, выражалось диким вращанием глаз, пеною на устах»*. Такое возбуждение должно иметь какой-либо исход, оно его и находило сначала в самобичеваниях, а потом переходило в *«ссоры, драки кающихся между собою, доходило до убийства»*⁷⁶. Раскаяние переходило в преступление, подтверждая, таким образом, взгляд западных психологов на коллективную деятельность толпы как на психические эпидемии. Читая рассказы о ревивалях, можно подумать, что религиозные подъемы, по крайней мере, в наше время, и могут приводить только к таким безобразиям, как это выше описано; поэтому и важно знать проявление этих подъемов в другой форме, в другом виде. Оживление у нас (наши ревивали) выражалось не в личном раскаянии, не в розни, а [в] усердной, дружной, изумительно быстрой работе, которая приводит в восторг, вызывает слезы умиления у присутствующих и участвующих в этой работе – *«яко сподобишася видети, яже ни отцы видеша»*⁷⁶. Обыденные храмы – это памятники единодушия и согласия в молитве и труде, в мысли и деле, согласия столь редкого на земле вообще, а на русской в особенности. На обыкновенно бурных вечках тотчас же водворялась тишина, когда дело касалось построения обыденного храма, и вопрос решался без прений, единогласно и мгновенно. Это весьма редкие, светлые минуты в истории городов, для коих смутное время было обычным состоянием. Единодушие, теснейшее соединение производило даже больше, чем обещало: давали обет построить храм в один день, а устроили его *«в едино утро»*. Краткость времени, в которое *«сподобил Господь соорудить храм»*⁷⁷, и производит наибольший восторг. В этом обете, только что данном и тотчас исполненном, чувствовалось некоторое подобие *«Рече и бысть»*. Дело сделано так же скоро, как только сказка сказывается, – за одну ночь выросло целое здание; восходящее солнце увидало то, чего не видало заходящее. Было в этом что-то чудесное; это чудесное и вызывало восторг; и очень может быть, что этот здоровый восторг и производил исцеление, прекращал эпидемию, – *это естественное чудо*. В противоположность воззрению западных писателей, у нас коллективная деятельность производила психическую болезнь, а исцеление. Таким образом, нельзя осуждать религиозные подъемы, возбуждения, если они и проявляются в таких неистовствах, как американские ревивали, потому что проявляются они так за недостатком надлежащего поприща, или дела; будь иначе, возбуждение, выражающееся в таких безобразиях, произвело бы нечто великое. Точно так же нельзя обвинять и музыку, когда она, пробуждая силы, находит исход для них только в преступлениях, как это рассказывает Толстой в «Крейцеровой сонате». Ревивали составляют необходимую принадлежность протестантских стран и служат, как говорит Лопухин, протестом против дробления, свойственного протестантизму и дошедшего в Америке до последних крайностей⁷⁸. Там, в Америке, и нужно ждать поворота к единству, – потому, может быть, и православие пользуется в Америке благосклонным приемом⁷⁹. Храмы, сооружаемые совокупными силами, служат, по преимуществу, выражением православия; даже в самой Америке, по свидетельству Мак-Гахан, Нью-Йоркская православная церковь есть *«плод усердной, дружной, общей работы русских людей всех состояний»*⁸⁰. Хотя церковь эта

и не была построена в один день, она имеет все существенные свойства обыденных храмов; тогда как храм в Чикаго, и в один день построенный, не имеет почти ничего общего с нашими обыденными храмами. Построение этого последнего храма не было вызвано ни голодом, ни мором, не было оно и памятником собирания земли; оно было вызвано недостатком места для чтений пастора Вильямса, которые происходили в небольшой пресвитерианской церкви, и *почему-то* решено было производить их в продолжение четырех недель утром и вечером; через две недели, по случаю большого стечения слушателей, обнаружился недостаток места; на третьей неделе решено построить к Воскресенью храм. Храм не был, однако, воздвигнут одним капиталистом, а по подписке, и эта подписка заняла более времени, чем самое построение; тем не менее храм был создан капиталом и наемным трудом, а не трудом добровольным, и не из материала, принадлежащего общине, т.е. всем, как лес при построении наших обыденных храмов. Чтения пастора Вильямса, вызвавшие религиозный подъем, ревиваль, благодаря лишь зиме не были перенесены под открытое небо и потребовали построения храма с печами (храм отапливался тремя каминами) и освещением⁸¹. Самое существенное различие наших обыденных храмов от американского состоит в том, что для нас храм не место лишь молитвы, а сама *молитва*, дело спасения, даже именно *воскрешение*; постройка храма вызывается не теснотой помещения, а необходимостью внешнего выражения для молитвы, для исхода религиозного подъема, ибо у нас *молитва от дела не отделяется*. Но если русское православие остается верным себе и в Америке, то и протестантство, переходя в Россию, в виде проповедей Редстока, пашковцев⁸² и т.п., остается верным своей родине, Западной Европе, и проявляется в виде субъективных иллюзий спасения. Такие состояния могут сообщаться, заражать многих, и в сущности, представляют те же ревивали, но в самом лишь первоначальном их виде, в зачаточной форме. И, во всяком случае, эти *одинаковые* внутренние состояния *многих* не должно смешивать с подъемом *общим*, имеющим выражение в деле, в построении, например, храма, или другом каком-либо внехрамовом деле. Можно сказать, что Россия, видя ревивали лишь в зачаточном их состоянии, не знает настоящего протестантизма; его надо видеть там, где он не встречает никаких препятствий, как, например, в Америке, где он и проявляется в ревивалях, которые доходят до вышеописанных безобразий.

К протестантским патологическим явлениям нужно отнести и штунду, толстовщину, а также молокан, духоборов, все рационалистические и мистические секты... Старообрядство же представляет подобие православию и, быть может, у этих искренних читателей и любителей старины сохранился еще обычай построения обыденных храмов, почти исчезнувший у православных. А может быть, по причине разрыва, этот святой обычай, как выражение единодушия и согласия, стал чужд тем и другим, и может восстановиться только после примирения их... Или же не станет ли выражением примирения самое построение школ-храмов, посвященных Пресвятой Троице *как образцу единодушия и согласия*, причем храм-школа с музеем, заключающим в себе памятники старины, памятники всем умершим, или музейский храм-школа, воздвигаемый совокупными силами

всех живущих (сынов) для поминовения всех умерших (отцов) и посвящаемый Пресвятой Троице, в Коей чтим безграничную любовь Сына и Св. Духа к Богу Отцу, заменит школу, т.е. школу нынешнюю, заставляющую забывать отцов или даже вооружающую сынов и дочерей против отца-матери. Вместе с тем, этот музейский храм-школа, ставящий своим предметом знание и почитание отцов, все знание природы делает средством для выражения этого почитания. И, конечно, такая школа не будет уже возбуждать опасений, что дети станут выше отца-матери, опасений, которые возникают ныне в среде именно крестьян.

Таким образом, обыденные храмы, или православное религиозное оживление, обновление, получает полное свое значение лишь при сравнении с западными ревивалями, и особенно с ревивалями Запада дальнего. Православное оживление выражается не в протесте и отделении, а в воссоединении, как с врагами обряда, так и с его любителями, со *старообрядцами* и *безобрядцами*, *идоло-лятрами* и *идео-лятрами*, а также и в подъеме общей нравственности. Это внешнее выражение религиозных порывов совершенно согласно с проявлениями народной деятельности, как в помочах и толоках, вызываемых климатическими условиями, так и во время смут и нашествий; в 1612 году Россия была спасена, можно сказать, общею помочью, или толокою, как об этом уже и говорилось. Желательно было бы, чтобы эти частные, местные, временные и редкие подъемы обратились в непрерывное, постоянное, живое дело, в дело общее, хотя бы в виде лишь построения повсеместно храмов-школ с музеями при них, т.е. с храмами предков; и при этом должно быть положено в основу, принято за аксиому, что школы должны быть везде, где есть рождающиеся, а музеи везде, где есть умирающие. Даже такое лишь общее дело было бы уже врачеством против индивидуалистических душевных заболеваний в форме ревивалей. Но построение таких храмов-школ, построение обыденных церквей, есть только начало, есть самое незначительное выражение общего дела, ибо полное свое выражение общее дело найдет лишь в осуществлении чаемого, как об этом говорится в первом стихе одиннадцатой главы послания к евреям по синодальному переводу; в осуществлении чаемого (чаю воскресения мертвых) и заключается вся религия, все благо; музей же при храме есть лишь сень, подобие, а не само чаемое, не осуществление чаемого. Итак, при разрешении вопроса о храмах обыденных, о том, было ли что аналогичное им на ближнем и дальнем Западе, на ближнем и дальнем Востоке, нужно искать аналогию не во внешнем лишь выражении, а во внутренних, душевных движениях, которые у нас проявляются построением обыденных храмов, а в других местах могут выражаться в чем-либо другом, как ревивали на Западе... При такой постановке вопроса задача не расширяется только по объему и содержанию, но и получает не одно теоретическое значение, задача получает, вместе с тем, значение практическое, примирительное, объединительное... При сравнительном изучении проявлений общего религиозного чувства, выражающегося в религиозных подъемах, такое изучение не может остаться бесплодным. Если в построении обыденных храмов выражается сущность православия, а в ревивалях сущность протестантства, то руководители ревивалей, возбуждающие

своими речами раскаяние личное, в предложении дела, которое соединило бы возбужденных, пробужденных ими, могли бы найти средство противодействовать розни. Построение храмов-музеев, храмов-школ, требуя для своего осуществления разнообразных профессий, представляет наилучшее дело, наилучшее средство для объединения разрозненных, особенно у протестантов с их крайностями – отрицанием икон и вообще всего внешнего, отрицанием дела как осуществления веры. Конечно, музейскую внешность, хотя бы музей был и всехудожественным, нельзя еще считать за осуществление чаемого, как это выше сказано, но музей будет и не ветхозаветного лишь сению, если будет заключать в себе не только побуждение, но и средство к осуществлению чаемого, т.е. если музей будет не *всехудожественным* только, но и *всенаучным*, и притом с аппаратом Каразина или же чем-либо подобным этому аппарату, который есть уже начало обращения слепой силы в управляемую разумом, смертоносной в живоносную; без такого же приложения естествознание бесцельно и смысла не имеет.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СКАЗАНИЮ О ПОСТРОЕНИИ ОБЫДЕННОГО ХРАМА В ВОЛОГДЕ ⁸³

Год тому назад, когда Москва готовилась к празднованию пятисотлетия со дня кончины преп. Сергия игумена Радонежского, в «Московских Ведомостях» (№ 254, сентября 13 д<ня>) появилась под заглавием «Храм св. Троицы при Румянцевском Музее» статья, автор которой (Сергей ***) предлагал воссоздать, в единение с музейским храмом во имя двух великих читателей Троицкого Бога свят. Николая чудотворца и преп. Сергия, малый деревянный храм св. Троицы, точное по возможности подобие первого Сергиева храма Троицы; автор высказывал при этом пожелание, чтобы в постройке храма приняли участие все своим личным трудом: священнослужитель – молитвой, ученый зодчий – археологическим трудом и строением, живописец – кистью, владелец леса – материалом, рабочий – своим трудом, а самый храм был бы обыденным, был бы построен в один день, по примеру древней Руси. Мысль эта была весьма сочувственно встречена (см. «Московские Ведомости» от 17 сентября, № 258, ст<атья> «Письмо к издателю» Владимира *** и «Русское Обозрение» за 1892 г., август, стр. 758⁸⁴), и на постройку храма стали стекаться пожертвования; но вскоре же она встретила и неожиданное препятствие. «Ввиду того, что вышеозначенная благая мысль еще не получила официального утверждения, сочтено было долгом заявить, что всякие пожертвования пока преждевременны и не могут быть принимаемы ни редакцией газеты, ни управлением Румянцевского Музея». (См. те же Ведомости от 23 сентября № 264.) «Официального утверждения» и доселе еще не последовало, и мысль о постройке обыденного храма, по образцу Сергиева храма св. Троицы, остается доселе, т.е. ко второй по 500-летию годовщине его памяти, не выполненной... Желание напомнить как об этом неисполненном предложении, так и вообще о том, как исполнялось в древней Руси построение обыденных церквей, и побудило издать одно из доселе известных сказаний о постройке обыденных

храмов, именно сказание о постройке храма во имя Всемиловитого Спаса, в 1654 году⁸⁵ в Вологде «во избавление от смертоносных язвы» («моровой чумы»^{*}). Самому сказанию предпосылается небольшое сообщение о том, откуда и от кого пошел этот обычай и какое место занимало построение обыденных храмов по отношению к другим благочестивым обычаям древней Руси, как то частным и общественным молениям или крестным ходам.

Данные прежнего времени приводят нас к убеждению, что юбилейное празднование в виде крестного хода для своей полноты и для своего же увековечения должно быть завершаемо построением обыденного храма, если, конечно, мы хотим быть верны преданию, неизменно верны тем, кого поминаем, ибо поминовение от всей души, всею мыслию и сердцем, в чем заключается верность, может проявиться *только* в созидании храма, в коем соединяется *пока* все, для чего требуется ум и искусство человеческое. Память всероссийского чудотворца должна бы быть отпразднована всею Россией трудом построения храмов Живоначальной Троицы во всех городах и селах, и в последних в особенности. Эти храмы Пр. Троицы, хотя бы не обыденные, но при *всеобщем участии* создаваемые, будучи таким образом плодом труда, труда умственного и физического, плодом знания и искусства всей России, могут и должны служить школами, а вместе хранилищем и старинных икон, утвари, вышедшей из употребления, и вообще музеем, не пренебрегающим, по примеру древней Руси, и памятниками светского происхождения. При таком праздновании храмы-школы, которые в настоящее время сооружаются кой-где^{**}, были бы построены везде, во всей России, благодаря преп. Сергию, что было бы новым посмертным его чудом.

Чудо не совершилось по нашему неверию, или, точнее, по нашей неверности, измене своим предкам, притом в деле почитания их памяти. Если бы мы при составлении программы празднования юбилея обратились к истории, т.е. спросили своих предков: как нужно праздновать память великих подвижников Русской земли, — тогда наше празднование имело бы надлежащую полноту. Оно было бы не трудом только хождения, а и трудом построения, в котором чувства, вынесенные из хода, получили бы внешнее выражение, а не исчезли бы бесследно; оно было бы делом созидания образовательного, народообразовательного храма и поучительного памятника (музея).

Но что не было исполнено в пятисотлетнюю память смерти преп. Сергия, то может быть исполнено в 500-летнюю годовщину прославления памяти чудотворца, открытия его мощей, в 1922 году, если почин этому

^{*} Содержание этого сказания изложено в «Описании Спасообыденной всеградской, что в Вологде, церкви», сост. Н. Суворовым. См. «Вологодские епарх<иальные> ведомости» за 1879 г., № 16 и 17. Мне известно еще сказание о построении обыденного храма в Ярославле, напечатанное в «Описании Ярославского Спасо-Пробоинского обыденного храма», составленном свящ. Иоанном Соловьевым (Ярославль, 1869 г., стр. 85–86 и 167–183)⁸⁶.

^{**} В Староселье (в Ольжичах) в память 900-летия Черниговской епархии был построен храм-школа⁸⁷; следовательно, празднование юбилеев построением храмов-школ не есть новшество, а лишь обобщение того, что родилось само собою и не могло даже не родиться, будучи реакцией против ложного отделения духовного от светского, которое (т.е. отделение) есть действительно новшество, т.е. произведение новой истории, а не нашей, не древней Руси. В мысли, требующей соединения школы и храма, мысли, очевидно рожденной свыше, заключается целая система воспитания и обучения, которая должна изменить нынешнюю, очевидно, несостоятельную, ничего, кроме произвола, в себе не заключающую.

будет положен *теперь же*. День же прославления важнее, священнее дня смерти: последний относится к первому, как Суббота к Воскресению; к этому Воскресению и должен быть исполнен обет построения школ и музеев под кровом храмов живоначальной и нераздельной Троицы, соединяющей всех сынов у памятника всех умерших отцов.

Повсеместное же построение их может быть лишь плодом примирения духовного и светского, церковного и земского в общем деле просвещения, во исполнение обета, данного при первом просвещении Руси крещением. Русский народ крещен был, как известно, без предварительного оглашения или просвещения, т.е. крещение народа совершилось на том же основании, на каком крестят детей. Князь, дружина и старцы градские (земство) были восприемниками народа от общей купели. В восприемничестве же заключается долг всеобщего обязательного образования или, что то же, построения повсеместно храмов просвещения, долг, не исполненный ни к 900-летию памяти равноап. Владимира, ни к 500-летию памяти преп. Сергия, не исполненный, несмотря ни на голод, ни на язвы, как естественные следствия нашей вины в недеятельности и розни в деле просвещения.

Обычай строить по обету обыденные (единодневные, в один день) церкви для избавления города или страны от того или другого общественного бедствия – очень древний. «Первый пример обетной церкви, а может быть и обыденной»^{*38}, относится ко времени вел. князя Владимира, к 996 году^{**}. Спасаясь от печенегов, преследовавших его, великий князь принужден был скрыться под мостом и дал обет построить церковь в случае избавления от угрожавшей ему опасности. «По удалении печенегов он немедленно исполнил свой обет: «постави церковь и створи праздник великий»». Главными причинами построения обыденных церквей служили мор и моровые поветрия. По новгородским летописям можно насчитать до 8 случаев построения обыденных церквей за период времени с 1390–1553 гг. в Новгороде и 5 случаев за время с 1407 по 1552 гг. в Пскове – по случаям мора^{***}. Но обыденные церкви строились не в двух только этих городах, но повсеместно. Обыденная церковь была и в Московском Кремле. Вел. княгиня Софья Фоминишна (жена вел. князя Ивана III) «льстивою хитростью» убедила хана Ахмата уступить ей под церковь Ордынское подворье, находившееся в Кремле (против нынешнего Николаевского дворца). Вместо подворья и была обыденкой построена (около 1480 г.) обетная деревянная церковь во имя свят. Николая (впоследствии Николо-Гостунский собор^{****}).

Первая мысль о построении обетной церкви от угрожающей опасности возникала или у всех жителей города, или у какого-либо одного лица – ду-

* Так как обыденные церкви «строились по обету, данному целым городом, то они назывались также обетными и заветными, но не все обетные церкви были обыденными».

** См. Древности Московского Археологического Общества, т. I, вып. 2-й. М., 1867 г. Археологический словарь, стр. 43-47. Статья графа А.С. Уварова.

*** См. *ibid.*, также Новгородские летописи, изд. Археологическою Комиссиею, и архим. Макария: Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I, стр. 16-18.

**** См. пресвитера Г.И. Истомина: Ивановская колокольня и церкви при ней. М., 1893 г., стр. 11.

ховного или светского, которое сообщало свою мысль другим. Существовали обыденные (и посему – деревянные) церкви различное время: год, 23, 25 и 40 лет, иные же и более 150 лет, как напр<имер> церковь Происхождения честных древ или Спаса Всемиловитого, построенная в Новгороде ок. 1424 г. и простоявшая до 1592 г., когда она была заменена новой – церковью преп. Марии Египетской. В построении их участвовало все народонаселение города: одни таскали бревна, другие рубили, иные исполняли прочие работы. Ночью освещали работы, чтобы не остановить их; а самое освящение церкви должно было быть совершено в те же сутки. Посвящались церкви Спасителю или Божией Матери, или святому тому или другому, причем не было правилом избирать того святого, чья память праздновалась в самый день построения церкви. Иногда по случаю того или другого общественного бедствия строили сразу несколько обыденных церквей – две, три в одном и том же городе*.

В 1654 году моровая язва, опустошавшая московское государство, достигла и гор. Вологды: ходил ли кто или стоял или сидел «и тако забываясь в мале вскоре умираху»⁸⁹; ложившиеся вечером спать «заутра мертвии являхуся»⁹⁰. Умиравших было так много, что священники едва успевали погребать их. «На сердце гражданом възде еже создати алтарь имени Господню», создать его днем и ночью неотступно, «во еже бы Господь Бог утолил праведный свой гнев и помиловал люди своя от смертоносныя язвы»⁹¹. По назначении заранее дня и по получении благословения от архиеп. вологодского Маркелла, 18 октября вечером в первом часу ночи совершена была закладка храма. В постройке его приняло участие «множество народа: овии древие употребляху и назидаху, иннии на основание полагаху, а иннии из разных мест древие везяху: не бяше бо тогда на сооружение храма в готовности ничтоже, но все из разных мест приношахуся; а иннии мнози ради ношнаго мрака береста зажигаху и в руках своих на древесех ношаху». «На утрешний день» храм был готов, «точию стен не отесаху; последи же вскоре исправиша и ко уготовлению освящения с великим тщанием изготовиша»⁹², причем образа были взяты из других церквей. Тотчас же было совершено освящение храма, и к вечеру отслужена первая литургия. «И умилившись благоутробный Господь, измени смерть на живот: преста бо от того дни в людех смертоносная язва»⁹³... Местный летописец так занес о сем в свои записи: «лета 7163 октября 18 дня, належашу мору, на память св. апостола и евангелиста Луки, поставили единокровный храм во имя Всемиловитого Спаса Смоленского на Вологде, на старой площади, начали рубить против 18 числа в 6 часу ночи, а клали свечки и зажигали скалы на батогах, светили светло, а срубили за два часа до дни; а святить начали в 5 часу дни. И виде Господь веру и моление рабов своих и покаяние слезное о своих согрешениях, той великий гнев Свой на милость преложи и моровую язву утоли: и от того дне мор на Вологде преста»⁹⁴. (См. Описание Вологодского Спасокаменского Духова монастыря, сост. П. Савваитовым. Спб. 1860 г., стр. 47.)

* См. отмеченную выше статью гр. А.С. Уварова об обыденных церквях в Древностях.

В увековечение памяти об этом чудесном событии вологжане постановили ежегодно праздновать этот день. За неделю до 18 октября доселе между гражданами соблюдается пост, а накануне после всенощного бдения вся ночь проводится ими без сна в обыденной церкви, в которой и читается печатаемое вслед за сим сказание. (См. «Москвитянин» за 1842 г., № 4, стр. 547–554, сообщение П. Савваитова.)⁹⁵

Списков его нам известно два: один, хранящийся в библиотеке означенной вологодской обыденной церкви, по которому оно и напечатано здесь, и другой – недавно поступивший в библиотеку Московского Главного Архива Министерства иностранных дел.

Первый список – отрывок какого-то сборника, в 4-ку, XIX века (на бумаге 1810 год), именно листы 41–59. Лист 41-й содержит конец чина малого освящения воды, именно следующие слова молитвы: «... всякого врага и супостата, умири нашу жизнь, Господи, помилуй нас и мир твой и спаси души наша, яко благ и человеколюбец». Внизу этих слов пером нарисована водосвятная чаша, а по бокам ее крест и евангелие. Вверху страниц: «сказание о моровой язве». На обороте 59-го листа ничего не написано. Рукопись переплета не имеет и в очень недавнее время была оклеена белым листом писчей бумаги, на котором надпись о содержании рукописи, подобная находящейся в самой рукописи.

Другой список – архивский, в 4-ку, на 43 листах, конца XVIII в. (на бумаге 1790 год). Рукопись содержит: 1) службу на 18 октября (лл. 1–8); 2) канон Всемиловитому Спасу с акафистом Иисусу сладчайшему (лл. 8–25); 3) сказание (лл. 26–42; недостает конца) и 4) молитва ко Господу нашему Иисусу Христу (лл. 42–43). В молитве воссылаются прошения об императрице Екатерине Алексеевне, цесаревиче Павле Петровиче и пр. ... Находящиеся в этой рукописи по местам разночтения при издании все отмечены.

Сентябрь 1893 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИИ «ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»⁹⁶

Препровождаем нашу покорнейшую просьбу о доставлении сведений, касающихся построения обыденных храмов – этого и *самого характерного явления Русской земли* – {земли общин, артелей}, – и вместе *самого загадочного*, {ибо народ, способный в один день создать храм, в обыденной жизни своей отличается недружелюбием, постоянными раздорами, семейными раздорами}. *В видах собрания материалов для разрешения этой загадки* усерднейше просим редакцию напечатать в своей уважаемой газете⁹⁷ нашу просьбу для сведения всем интересующимся *обыденными храмами*, хотя бы как *фактом коллективной психологии*, этой новой науки⁹⁸, {которая у нас, надо полагать, может получить первостепенную важность и опровергнуть и словом, и общим делом усвоенное на Западе мнение, уподобляющее совокуп-

ную деятельность психическим эпидемиям, повальным душевным болезням*}).

Просим также обратить внимание на прилагаемые при сем: 1) «Сказание о построении обыденного храма в Вологде» и сделать, если возможно, отзыв о предлагаемом в предисловии к сказанию способе празднования Юбилея читателя Св. Троицы Пр. Сергия построением при всех, особенно сельских церквах, школ-храмов, посвященных *Пр. Троице как образцу единодушия и согласия*** . {Исполнение этого плана будет опровержением не словом, а делом (общим) мнения индивидуалистического Запада о совокупной деятельности.} 2) «Реформа библиотечного дела», облегчающая устройство не только больших, но и малых библиотек, которые составляют необходимую принадлежность всех народных школ, и особенно школ-храмов и вместе Музеев¹⁰⁰.

О ДОСТАВЛЕНИИ СВЕДЕНИЙ, КАСАЮЩИХСЯ ОБЫДЕННЫХ ЦЕРКВЕЙ И ЖИЗНИ ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО***¹⁰¹

Обыденные храмы – памятники единодушия и согласия в молитве**** и труде*****, в мысли и деле*****, согласия столь редкого на земле вообще, а на Русской в особенности. Построение их даже в таких странах раздора, каковы Новгород и Псков, свидетельствует о согласии, правда, очень непродолжительном. На обыкновенно бурных вечеах водворялась тишина, когда дело касалось построения обыденного храма, и вопрос решался без прений, единогласно и мгновенно. Это весьма редкие светлые минуты в истории городов, для которых смутное время было обычным состоянием. Единодушие, теснейшее соединение производило даже больше, чем обещало: давали обет построить храм в один день, а устроили его «в едино утро» (Полное собрание русских летописей, т. IV, стр. 97, 115); обещали построить один храм, а воздвигали два (там же, стр. 115). Несмотря на всю важность вопроса о построении обыденных церквей – он мало исследован. Ввиду этого весьма желательным является собрание по возможности всего, что известно о построении на Руси обыденных храмов, как особых сказаний о сем, так и всех мелких известий и указаний только на самый факт. Построение обыденных церквей по условиям освящения в некоторых

* См. Revue des Revues. № 1. 1894, p. 54–58. Les épidémies psychiques et la foule criminelle⁹⁹.

** Нечто подобное представляет построение школы в Мордовском Качиме. См. «Пензенские Епархиальные Ведомости» № 20, 1892 и «Богословский Вестник» № 4. 1893. Статья Заозерского.)

*** В этой просьбе о доставлении сведений уже заключается или открывается призыв к делу всеобщего Воскрешения.

**** всех живущих не о себе, а об оживлении всех умерших, вытесненных нами.

***** осуществления этой мольбы, т.е. быть орудиями Воли Божией, а не Бога делать орудием своего хотения, как это бывает во всех других молитвах.

***** Единодушие и согласие в мысли и деле выражается в объединении всех сынов в познании умерших отцов и в деле обращения умерщвляющей их слепой силы в оживляющую.

местах могло быть заменяемо построением тем же способом, т.е. участием наибольшего числа и в наименьший срок, больших часовен* для совершения богослужения. Желательно иметь сведения о построении и их.

К предстоящему пятисотлетию открытия мощей преподобного Сергия игумена Радонежского желательно также привести в возможно полную известность: 1) все, что написано и напечатано, особенно в местных изданиях, о преп. Сергии, списки жития его, сказания об открытии его мощей и посмертных чудесах; и 2) историю распространения и почитания сего святого мужа, т.е. где существуют храмы или приделы в них, посвященные преп. Сергию, равно как насколько распространено в той или другой местности паломничество в Троице-Сергиеву Лавру для поклонения гробу преподобного.

Опыт указателя того, что было напечатано у нас на Руси о преп. Сергии, был помещен в 10 и 12 №№ «Библиографических Записок» (издаваемых в Москве)¹⁰³. Желательно иметь сведения, пропущенные здесь или исправляющие какие-либо ошибки.

Лиц, желающих помочь в этом деле, просят присылать свои сообщения в Москву, Садовники, д. № 8, С.А. Белокурову. Имена доставивших сведения будут помещены на заглавном листе сборника этих сведений¹⁰⁴ и будут свидетельствовать, что дух, создавший обыденные храмы, еще жив на Руси.

ПРОСЬБА К СТАРООБРЯДЦАМ О ДОСТАВЛЕНИИ СВЕДЕНИЙ О ХРАМАХ ОБЫДЕННЫХ И О ПРИНЯТИИ УЧАСТИЯ В СТРОЕНИИ ХРАМОВ-ШКОЛ, ПОСВЯЩЕННЫХ БОГУ СОГЛАСИЯ, ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЕ¹⁰⁵

Искренним любителям и верным хранителям русской старины, именующим себя старообрядцами, просьба о доставлении сведений о храмах обыденных, об этом исконном и спасительном русском обычае, и о преподобном Сергии – чителе Пресвятой Троицы как образца единодушия и согласия, – во имя коего мы и просим почитающих, как и мы, преп. Сергия не оставить нашей всенижайшей просьбы без ответа и исполнения.

Обыденные храмы – памятники единства и согласия не только в вере, но и в обряде, памятники единства внутреннего и внешнего Русской земли, кончившегося с прискорбным появлением розни в обряде. Время процветания обыденных храмов относится ко времени царствования трех старших собирателей земли русской, и особенно к царствованию последнего из них – Ивана IV-го, когда он не был еще грозным по причине благотворного влияния на него всероссийского святителя Макария. Еще младенцем Иван IV-й участвовал или присутствовал при созидании однодневного храма на старом Ваганькове, а затем и на крайнем Востоке тогдашней России, в Казани, и на крайнем Западе ее, в Нарве, и едва ли не во всяком городе, им взятом, он ставил прежде всего однодневный храм. Время Стоглава было

* «строили *нередко*, как и церкви, обетные обыденные часовни» (Снегирев. «Часовни в Русском мире», стр. 253)¹⁰².

золотым веком обыденных или обыночных храмов, потому обыденные храмы и должны бы быть драгоценны для любителей старины. Единодушие и согласие, проявлявшиеся в строении обыденных храмов в пору собирания, спасло русскую землю в эпоху распада, в смутное время, и много помогло восстановлению единства при двух новых собирателях, Михаиле и Алексее; ибо, как говорили послы: «А теперь Московского государства люди наказались все и пришли в соединение». С прискорбным отделением любителей старины от церкви, по-видимому, прекращается строение обыденных храмов; но не сохранился ли этот старинный обычай у старообрядцев, называющих свои общества святым именем согласия? Строились ли такие храмы (или, за неимением архиереев, обыденные часовни в поповщине) в конце XVII, а также в XVIII и XIX веках? Желательно также знать, почтили ли память чудотворца Сергия в пятисотлетнюю годовщину кончины его чтители старого обряда; и – вообще – существуют ли у них храмы или часовни во имя преп. Сергия?

Желательно, конечно, было бы не ограничиваться собиранием лишь сведений о храмах, часовнях и моленных, обыденных в смысле совокупного всеобщего действия вообще и особенно в короткий срок, и собиранием сведений о преп. Сергии, – желательно было бы позаботиться *о восстановлении старинного обычая строения храмов, и притом вместе со школами, строения повсеместного, ко дню пятисотлетнего почитания открытия святых мощей чудотворца*, чтимого одинаково и церковными, и старообрядцами, в воспоминание того времени, когда прискорбного разделения еще не было; желательно также, чтобы эти храмы-школы были посвящены Пресвятой Троице как образцу единодушия и согласия.

При построении школы в Русском Качиме принимали участие и старообрядцы. «В числе привезших бревна на школу были все наличные раскольники нашего села, не исключая *и их попа*» (П. Мироносицкий. «Из дневника учителя церковно-приходской школы». Киев, 1895 г.).

Обращаясь по вопросу о храмах обыденных, т.е. о совокупном труде в деле просвещения и познания, к церкви православной, нельзя оставить и старообрядство, для которого обыденные церкви не могут быть чужды, а должны напоминать ему время Макария, особенно для старообрядства дорогое. Средину этого (XVI) века можно признать веком и религиозного и политического подъема, когда начался обход Ислама, движение на Восток и переход за Урал¹⁰⁶.

К пятисотлетию открытия святых мощей Сергия Радонежского,
Миротворца и Избавителя от смут

1. С.А. Белокуров. О доставлении сведений, касающихся обыденных церквей и жития преподобного Сергия Радонежского.
2. Его же. Запрос Рижскому Археологическому Съезду 1896 года.
3. Les épidémies psychique et la foule criminelle. Revue des revues. 1894. № 1.

И для всякого предыдущего археологического съезда Уваровский вопрос, предложенный г. Белокуровым: «было ли что-либо сходное с нашими обыденными храмами на Западе и не оттуда ли оно заимствовано, или же обычай строения таких церквей в години бедствий есть самородное явление», — имел бы важное значение; но особенно уместен он для того съезда, который соберется в Риге, на рубеже России с Западом, где, по-видимому, соединены будут все условия для всестороннего обсуждения дела, где могут в решении его принять участие и западные ученые, духовные и светские*. Рига находится в соседстве с Псковом и Новгородом, в которых, как и на всем лесном Севере России, а по всей вероятности и [в] Сибири, наичаще созидались обыденные храмы.

Обыденные храмы, т.е. храмы, созидаемые по обету совокупными усилиями в один день, это памятники единодушия и согласия в молитве и труде, в мысли и деле, согласия столь редкого на земле вообще, а в особенности на Руси, история которой началась признанием в себе порока розни и этим как бы указала и на конечную свою цель — согласие и единодушие. Для устранения внешней розни Русь призывает иностранца, а для внутреннего примирения принимает Христианство, под влиянием которого рознь обращается в согласие, так что построение обыденных храмов даже в таких классических местах раздора, как Новгород и Псков, напоминающих по оживленной (истребительной) борьбе западные города, свидетельствует о глубокой внутренней потребности согласия, хотя бы оно было непродолжительно в действительности. На вечах, обыкновенно бурных и шумных, нередко переходивших в побоища, водворялась тишина, и вопрос о построении обыденных церквей решался мгновенно, единодушно, без прений.

Обыкновенно единогласие (не говоря уже об единодушии) считается невозможным и даже нежелательным. На единогласие в учреждении смотрят как на порок, приводящий к гибели; а между тем построение обыденных храмов — святое дело — не находило ни одного противника. Отсюда и можно заключить, что главная причина розни скрывается не в людях, а в отсутствии дела безусловно благого и святого, дела, которое было бы одинаково дорого для всех. Храм, воздвигнутый в один день, как бы мал он ни был, есть чудо, и тем более дивное, что он воздвигался трудом безденежным («работающий народи мзды не взимаху») и всенародным:

* Комитету Археологического Съезда надлежало бы перевести данный вопрос на иностранные языки и разослать по всем археологическим обществам Европы и Америки.

«овии дровие употребляху и назидлаху; а иннии на основание полагаху, а иннии из разных мест дровие везяху, *не бяше бо тогда на сооружение храма в готовности ничтоже*, но вся из разных мест приношахуся»¹⁰⁸, т.е. требовалось, чтобы все было трудовое и ничего дарового.

Это были светлые минуты в нашей жизни: «не бяше бо тогда видети, или слышати во граде и в весех татьбы, и разбоя, лжи и клеветы, гнева, ярости и обиды, и всякия злобы; но бяше любовь велия». В эти минуты наш народ был истинно-христианским, ибо в единодушном, беззаветном труде на пользу общего, святого дела и раскрывается нравственное значение высочайшего догмата христианства, догмата о Святой Троице неслиянной и нераздельной, где единство не есть подчинение, а неслиянность не есть рознь.

В этом-то единодушии, соединяющем многих на единое дело, и заключается, быть может, разгадка того, что такое Русь, в чем ее самобытность и на что она способна. В этой стране редких минут согласия, зато согласия не только внешнего, но и внутреннего, т.е. единодушия, Преподобн. Сергий и воздвигнул храм Пресвятой Троице как образцу величайшей добродетели единодушия, не минутного, а вечного, конечно для того, чтобы эти редкие минуты согласия в народе обратить в постоянное состояние, в неразрывное единство, и тем начать осуществление той конечной цели, которая крылась в самом признании в себе порока и греха розни. Храм Пресвятой Троицы в обители Сергия был «аки зеркало». Потому-то обитель Св. Троицы служила и обличением розни, и призывом к соединению. Возрание на этот образ единодушия и согласия не допустило погибнуть государство Московское от Шемякинской усобицы¹⁰⁹ и утратить единство именно тогда, когда появились новые враждебные Пр. Троице орды Казанская, Крымская и особенно Османская, сокрушившая Константинополь, что сделало Москву последним убежищем Православия, и она вместе с именем Третьего Рима приняла на себя новый долг, стала понимать свое назначение во всемирной истории. После падения Второго Рима Старый Рим, в лице пап и преданной им Польши, пользуясь нашими раздорами, задумал поразить Православие в его последнем убежище и обратить нас в орудие своего властолюбия для подавления протестантского восстания, что и могло бы быть исполнено в Тридцатилетнюю войну, если бы папство успело поработить Московское государство; но взятие Москвы поляками показало только, что истинною столицей была Свято-Троицкая обитель Пр. Сергия. Она-то и соединила весь народ «как одного человека» и спасла не Россию только, но и Запад: ибо исключительное господство Католицизма, т.е. духовного ига без всякого протеста, было бы таким же злом, как и исключительное господство протестантской розни, не сдерживаемой никаким авторитетом; совместное же их существование ясно указывает, что благо заключается в Царстве Живоначальной Троицы, где единство не есть иго, а самостоятельность не есть рознь.

Такова логическая связь между вопросом о построении обыденных церквей, как памятников единодушия, и делом жития Читителя Пресвятой Троицы, Сергия Радонежского, Миротворца и Избавителя от смут. Это именно тот святой, какой нужен в переживаемую нами эпоху, так что вполне прав

г. Белокуров, соединив их в своем воззвании о доставлении сведений по этому предмету. Воззвание это было разослано ко всем редакциям Епархиальных Ведомостей, архивным комиссиям и т.п. учреждениям. Пользуемся случаем огласить его и среди читателей «Русского Архива». Вот оно.

«Несмотря на всю важность вопроса о построении обыденных церквей, он мало исследован. Ввиду этого весьма желательным является собрание по возможности всего, что известно о построении на Руси обыденных храмов, как особых сказаний о сем, так и всех мелких известий и указаний только на самый факт. Построение обыденных церквей по условиям освящения в некоторых местах могло быть заменяемо построением тем же способом, т.е. участием наибольшего числа и в наименьший срок больших часовен для совершения богослужения. Желательно иметь сведения о построении и их.

К предстоящему пятидесятилетию открытия мощей Преподобного Сергия игумена Радонежского желательно также привести в возможно полную известность: 1) все, что написано и напечатано, особенно в местных изданиях, о Преп. Сергии, списки жития его, сказания об открытии его мощей и посмертных чудесах; и 2) историю распространения почитания сего святого мужа, т.е. где существуют храмы или приделы в них, посвященные преп. Сергию, равно как насколько распространено в той или другой местности паломничество в Троице-Сергиеву Лавру для поклонения гробу Преподобного.

Опыт указателя того, что было напечатано у нас на Руси о Сергии, был помещен в 10 и 12 №№ «Библиографических Записок» 1892 года. Желательно иметь сведения, пропущенные здесь или исправляющие какие-либо ошибки.

Лиц, желающих помочь в этом деле, просят присылать свои сообщения в Москву, Садовники, д. № 8, С.А. Белокурову. Имена доставивших сведения будут помещены на заглавном листе сборника этих сведений и будут свидетельствовать, что дух, создавший обыденные храмы, еще жив на Руси».

Несмотря на важность приведенного воззвания, некоторые Епархиальные Ведомости отказались его напечатать. К счастью, единомышленников в таком полном нежелании оказать хотя слабую помощь в благом деле было мало; но зато и деятельных помощников, как нам передавали, явилось немного, и тем более нужно быть благодарными к этим немногим отзывчивым людям. Мы с особым удовольствием помещаем их имена в нашем издании и с своей стороны присоединяем искреннюю благодарность за помощь, оказанную ими в деле, одинаково дорогое для всех русских, в деле приготовления к единодушному празднованию всей Россией (т.е. Великой и Малой, Белой, Новой Россией, не только Восточной и Северной, но и Западной и Южной) 500-летия открытия святых мощей Сергия, т.е. его *мощи*, проявлявшейся еще с большей силой по смерти, чем при жизни, *мощи*, спасавшей наше отечество и от Восточных, и от Западных нашествий, творившей чудеса и вне его, в латынях, для спасения Православия от подчинения его игу папскому*. Но, спасавший от подчинения, от розни, он, держаем верить, явится «скорым помощником» и в деле нашего примирения с Западом, примирения, не исключающего, а предполагающего нашу самостоятельность; в обыденных же храмах, надо полагать, и заключается она: ибо у западных народов мы не встречаем даже слова «обыденный».

В ответ на воззвание С.А. Белокурова, сколько нам известно, получены с двух сторон России сведения о почитании Сергия. Эти сведения могут считаться типичными для двух краев России – Северо-Восточной и Юго-

* Мы слышали, что задумано издание Сборника, в котором должны быть собраны все известия об открытии мощей Преподобного, и особенно все посмертные чудеса исторического характера. Летопись посмертных чудес еще, конечно, не окончена.

Западной. Первая оказывается ревностною чтительницей Сергия, другая еще мало или вовсе не слыхала о великом подвижнике Севера, защитнике и кормильце русского народа.

Одно известие идет из Лукояновского уезда Нижегородской губернии, из села Старо-Рождествена (или Староселья, Тагаева тож) и Шишардеева. Самые названия сел указывают на инородческое их происхождение, а сведения, сообщаемые из них, свидетельствуют о полном их обрусении. Из сообщений священника этих сел, отца Иоанна Лаврова, узнаем, что хотя в сказанных селах нет ни храмов, ни приделов имени Сергия, тем не менее день 25 сентября почитается как храмовой праздник. Просматривая календарь Нижегородской епархии, мы с удивлением замечаем в этом крае, проявившем столько любви к отечеству, почти полное отсутствие храмов, посвященных памяти Пр. Сергия, с именем которого неразрывно связана любовь к отечеству. Потому-то сообщения отца Иоанна и драгоценны для нас, и весьма было бы желательно, чтобы и другие священники последовали примеру досточтимого пастыря Старо-Рождествена. Они доказывают, что имена, носимые церквами, не всегда указывают на тех святых, которые пользуются наибольшим почитанием населения; потому-то и нужны живые, местные сообщения: по ним лишь можно составить себе полное представление о почитании Преподобного в пределах России. Родители часто, пишет отец Иоанн, просят дать их детям имя Сергия; в очень многих домах есть его иконы. Паломничество очень развито, и есть, по-видимому, ежегодные посетительницы Лавры, смотрящие на нее как на свой приходский храм, куда и отправляются для говенья*.

Совершенно иные сведения идут из другого конца России, от преподавателя Каменец-Подольской Духовной Семинарии Осипа Ивановича Федорова. Обыденных храмов в Подолии нет и никогда не существовало¹¹⁰. Об обыденных церквах говорит в письме своем священник г. Сольвычегодска отец Тихон Чулков. Все эти сведения будут полностью помещены в книге г. Белокурова, которой мы с нетерпением ожидаем.

Принося глубокую благодарность всем, кто отозвался на воззвание г. Белокурова, мы должны указать, что в сущности таковой же запрос идет и с Запада от представителей вновь возникшей науки «Коллективной Психологии». Эта наука, изучающая психологию толпы, почти единогласно, устами всех своих западных адептов, утверждает, что стечение народа, «толпа дает в результате нечто много худшее, чем могли бы дать единицы, ее составляющие»¹¹¹. «Пусть мне укажут армию, как бы она ни была хорошо составлена, которая могла бы по своему почину (spontanément) действовать лучше, чем по плану, составленному самым посредственным штабным офицером»^{**}. Словом, среди западных ученых (Сигели, Барбаста,

* Но не крестьянки только; а из крестьян были такие, которые присутствие на юбилейном празднестве считали как бы высшею целью своей жизни – видеть этот праздник и умереть и быть похороненными на этом святом месте! И они видели и умерли: один в самой Лавре, другой на пути из нее. Некоторые семьи являют особое почитание Преподобного. Надо полагать, что для многих жителей Понизовья Лавра почти то же, что Иерусалим.

** Пример при Горном Дубняке совершенно опровергает приведенную ссылку. Первоначальный же план взятия Дубняка составлен таким выдающимся стратегом, как Гурко¹¹².

Тарда, Ферри, Нордау¹¹³) распространено мнение о том, что толпа действует на отдельных единиц понижающим образом, совокупная деятельность собрания людей уподобляется психическим эпидемиям, собрание людей есть толпа, где всегда преобладают низшие инстинкты и страсти*.

Но построение обыденных храмов ясно опровергает это мнение. Оказывается более справедливым убеждение нашего народа, что совокупность людей образует не толпу с разнужданными, грубыми стремлениями, в которой благоразумный средний человек обращается в дикаря, зверя, но «мир», т.е. общество, в котором царят согласие и единение, для единого дела, в котором отмечается греховный элемент частных составных единиц, и человек от святости общего дела очищается и достигает небывалой духовной высоты.

Таким образом, история обыденных церквей необычайно важна и для Запада. Но чтобы решить вопрос о них, необходимо проникать в глубину народной души, а между тем даже для знатоков русской жизни, как, например, В.И. Даль, обыденные храмы являлись как предание, т.е. миф, хотя построение такого храма в Вологде относится уже к царствованию Алексея Михайловича. Надеемся, что обсуждаемый вопрос найдет должный ответ на Рижском съезде, а затем, что могло бы быть лучше, как к 500-летию празднования открытия мощей Пр. Сергия, т.е. в 1922 году, дать тому же вопросу ответ делом, доказывающим, что дух, создававший обыденные храмы, еще не угас на Руси, чем мы и явили бы себя истинными читателями Животворящей Троицы, соединяющей всех сынов у памятника всех умерших отцов.

ДОБРЫЙ ПОЧИН¹¹⁵

Наше упование, что дух, созидавший в Древней Руси обыденные церкви, еще не угас, нашло себе новое и сильное подтверждение. Старая Русь при обилии лесов строила в один день храмы из дерева; Новая Русь, при оскудении лесов, нашла новый материал для созидания храма совокупною деятельностью в тот же короткий срок. Такова живучесть этого духа. Рабочие Бежицкого завода** соорудили в один день храм из старых рельс***. Не удивительное ли дело, что новый дух, созидающий железные дороги, у нас на Руси должен был уступить старому духу, стать орудием его, дать материал для построения храма. Обильный строительный материал, который дают железные дороги, не облегчает ли в значительной степени осуществление того плана празднования 500-летнего юбилея открытия Св. мощей Пр. Сергия, о котором говорится в предисловии к «Сказанию о построении обыденного храма в Вологде»****, т.е. повсеместное устройство школ-храмов, посвященных Пресвятой Троице как образцу единодушия и согласия, великим чителем Которой и был Препод. Сергий –

* Из русских ученых А.А. Токарский решительно отказывается принять это мнение¹¹⁴.

** Близ стан<ции> Бежицы по Орловско-Витебской железной дороге.

*** Труды Орловской ученой Архивной Комиссии. 1894, вып. II, стр. II.

**** Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских, том 166.

страж Самодержавия и единства Русской земли. Если великое открытие, великий подвиг создания из старых рельс нового обыденного храма не нашли себе подражателей, то, может быть, виною этого лишь крайняя скромность Бежицких рабочих. Много различных употреблений было сделано из старых рельс, но только Бежицкие рабочие додумались принести из них *жертву Богу*, т.е. сделать наконец то, что нужно было сделать прежде всего.

ОТВЕТ «БРЯНСКОМУ ВЕСТНИКУ» ¹¹⁶

Брянский Вестник по поводу нашей статьи «Добрый Почин» говорит:

«На Бежицком рельсо-прокатном заводе есть две церкви. Одна из них (главная) пятиглавая, начата строением в 1880 году и кончена в 1884 году, когда 23 сентября и освящена во имя Преображения Господня. Устроена она из рельсов, и как внутри, так и снаружи обита деревом и окрашена разноцветными красками. Другой храм (но также не обыденный) построен в 1882 году и освящен в июне во имя св. апостолов Петра и Павла. В том же (1882) году 11 декабря церковь эта сгорела, но через одиннадцать дней восстановлена и вновь освящена 23 того же декабря. В 1894 году Петропавловский храм перенесен на другое место и освящен 15 января текущего 1895 года».

В опровержении редакции *Брянского Вестника* можно видеть блестящее подтверждение. Храм Св. Апостолов трижды был созидаем и все три раза в короткий срок. В первый раз был построен менее чем в полгода, ибо освящен в июне того же 1882 года, в который и заложен. Во второй раз в *одиннадцать дней*, зимой, в *самые короткие зимние дни*. В третий раз, самое большее, построен (т.е. перенесен) в год, а вероятно, гораздо меньше. Конечно, редакция очень хорошо сознавала, что однодневность вовсе не важна и если нужен короткий срок, то именно потому, что краткость времени построения требует наибольшего сокоупления сил (хотя бы не обыденные, но при всеобщем участии созидаемые, как сказано в предисловии к сказанию о построении обыденной церкви в Вологде), но редакция именно и умолчала о способе построения: желанием и участием прихожан в работе (т.е. рабочих завода) или же наймом. Если же окажется, что Бежицкий храм построен наймом, то будет ясно, что дух новой, а не древней Руси проявился в построении *этого* храма.

О БРАТСКИХ ПОМОЧАХ И ТОЛОКАХ, О ДОСТАВЛЕНИИ СВЕДЕНИЙ О НИХ И КОМУ СЛЕДУЕТ СОБИРАТЬ ЭТИ СВЕДЕНИЯ В РОССИИ, ОБРАТЫВАТЬ ИХ И ПРОЧ., А ТАКЖЕ О ПРИМЕНЕНИИ ЭТОЙ ПОМОЧИ В РОССИИ ¹¹⁷

(К статье «Об обыденных храмах» как вопросу коллективной психологии)

Прочитав просьбу о доставлении сведений касательно построения обыденных храмов и по поводу этой просьбы – статью «Русского Архива», которая в обыденных храмах видит сильный аргумент против усвоенного

Западом учения о преступной толпе и деятельности ее, как психической эпидемии, – не можем не заметить, что редкость построений обыденных храмов значительно ослабляет силу этого довода, а потому и считаем необходимым к аргументу от обыденных храмов – этих памятников единодушия и согласия, произведений церкви как глубочайшего общения, – присоединить *аргумент толк и помочей*, явления, или же действия, аналогичного, хотя и не достигающего такой глубины единодушия и согласия, как однодневное строение храма совокупными усилиями всех. Единодушие и согласие, которое проявляется в самой высшей степени в построении обыденных храмов, проявляется также в помочах и толоках, только в степени низшей, но зато в помочах и толоках это единодушие и согласие выражается не в редкие лишь минуты, как при построении обыденных храмов, а постоянно, ежедневно, повсеместно, как у русских, так и инородцев, живущих в России.

Впрочем, постоянство и повсеместность помочей и толк, так же как и участие в них души и нравственного начала, есть *вопрос*, который может быть решен только тогда, когда, во-первых, помочи и толоки будут выделены из массы юридических обычаев, к которым их неправильно относят, как об этом будет сказано ниже; во-вторых, когда сведения о них будут собраны отовсюду, и особенно из дальних, *захолустных мест*, в которых они не подверглись, или мало подверглись, влиянию городской жизни; и в-третьих, когда сведения, таким образом собранные местными интеллигенциями, будут разработаны не экономистами и юристами, а психологами. В Русской земле – в земле общин, мирских сходок, артелей, братчин – вопрос о помочах и толоках, так же как и о храмах обыденных, вопрос психологии коллективной, есть вопрос самый существенный и коренной; а потому очень странно, что Психологическое Общество в центре Русской земли, при старейшем Русском Университете, не обратило внимания на этот вопрос¹¹⁸, хотя он – самый характерный в психологии Русского народа, и притом такой, который всей философии, всем частям ее, может дать новый вид. *Вопрос этот соединяет теоретическую и практическую философию в одну, в философию проективную*, т.е. такую, которая мысли или представлению всеми живущими всех умерших и познанию силы умерщвляющей (природы) дает не субъективное, или мысленное, значение, а считает исполнением Заповеди Божией, долгом человеческим обратить мысленное в действительное (осязаемое) чрез *всемирную помочь или толоку, т.е. чрез объединение всех разумных сил для обращения слепой, смертоносной силы в живоносную*. Проективная философия и в Теологии видит не идеал, а проект уподобления Троиному Существу (Богу отцов) людей, точнее сынов, не в отдельности, а в их совокупности, т.е. братстве; в Психологии же проективная философия бессмертие (неразрушимость) предполагает доказать не тем, что возможно бестелесное существование, не отделением душ от тел, а действительным возвращением тел душам (всеобщее воскрешение); и средством для такого возвращения будет служить физика земли и всех миров, т.е. все естествознание, и притом как знание регулирующее, правящее, а не остающееся при одной мысли, как знание, обращающее все множество бездушных миров настоящего (Космология) в миры, одушевленные, направляемые душами прошедших поколений.

Психологическое общество при Московском Университете существует уже много лет и сделало многое. Занималось оно и гипнотизмом, и другими подобными болезненными явлениями, и могло бы быть названо психиатрическим, если бы исцелило человека от этих болезней, т.е. нашло бы средство укрепить расслабленные души, способные подвергаться внушениям, но оно само было загипнотизировано. Не оставляя гипнотического колдовства, занималось оно и вопросом о свободе воли и несомненно доказало, что человек свободен, как птица в клетке, т.е. свободен лишь в возможности, а не в действительности, занималось оно в лице своего председателя¹¹⁹ вопросом о бессмертии души и, отрицая действительное существование времени, доказало бессмертие, но, конечно, лишь мнимое. Точно так же один из его членов, следуя основной заповеди философии – «познай самого себя», т.е. *знай только себя*, отрицал существование смерти, потому что сам еще жив, а смерти других не замечал¹²⁰; напрасно инфлюенца, а потом и холера доказывали ему существование смерти, – для человека, знающего только себя, все эти доказательства остались бессильными. Живя в мире мысли, не признавая, согласно критической философии, ни времени, ни пространства, не признавая ничего кроме самих себя, Психологическое Общество не только может быть названо не-русским, но и определенно германским, потому что, живя вне мира и пространства, Психологическое Общество по мысли и чувству находится в Германии и до сих пор не знает и знать, по-видимому, не хочет страны, в которой живет на самом деле, а казалось, должно бы было сознавать, что живет в земле не общин только и артелей, но также и в земле братских (а не хозяйственных лишь) помочей и толок, в земле, которая строением обыденных церквей возвела коллективное действие в священное дело; при сознании же этого Психологическому Обществу было бы обязательно сделать главным предметом своих знаний психологию коллективного дела, которое, ничего не исключая, все объемлет, все в себе вмещает; на нем же, на Психологическом Обществе, лежала бы и обязанность обратиться с призывом о доставлении сведений о помочах и толоках, и этот призыв оно могло бы напечатать в Губернских Ведомостях, подобно тому, как призыв к доставлению сведений касательно обыденных храмов был напечатан в Епархиальных Ведомостях. Подобно тому, как о храмах обыденных сделан запрос к будущему Съезду в Риге, так и Психологическое Общество чрез тот же Съезд могло бы сделать запрос Западу и Востоку о том, было ли и там что-либо подобное нашим помочам и толокам или же они составляют самородное явление Русской земли? Особенно было бы обязательно для Психологического Общества сделать такой запрос относительно Востока, когда Археологический Съезд будет назначен в какой-либо из восточных наших окраин.

Помочи и толоки имеют свою историю, хотя и не исследованную еще, и конечно, потому, что наша, т.е. не-русская, хотя и пребывающая в России, наука оказывается неспособною заняться исследованием того, что не делала предметом своего исследования Западная наука, потому ли, что таких явлений, как в России, на Западе нет, или же они выражаются там в иной форме; как бы то ни было, но истории помочей нет, хотя в некоторые эпохи они и получали у нас широкое применение, как например, в так называемое

смутное время и особенно в безгосударное, когда Москва была занята поляками, а Лавра осаждена или же едва вышла из осады. Города сносились тогда между собою отписками, которых много собрано во II-м томе актов археографической экспедиции*. Отписка, например, вычегородцев к пермичам хочет со всею Пермской землею от мала до велика посоветоваться, чтобы жить и умереть вместе, друг друга ни в чем не выдати (№ 102, а также №№ 91, 97 и 99 и пр.). К таким же помочам в настоящее время должно быть отнесено построение школы в Мордовском Качиме, к сожалению не нашедшее себе подражания и вообще мало известное, а между тем оно в высшей степени замечательно; описание этого построения («Пензенские Епархиальные Ведомости» 1892 года, октябрь, № 20) можно назвать *былью о том*, как дети, т.е. сыны и дочери крестьян-мордвов, построили школу с помощью своих отцов, родных и духовных (священника и учителя), и особенно с помощью тех двух мужей, которых нельзя не назвать восприемниками, крестными отцами церковной школы, — церковного сторожа, из запасных унтер-офицеров, и того великого мужика, который ходил по избам, просил, умолял и, наконец, достиг цели. Да будет имя его, а равно и тех, кто пробудил в нем священную ревность, благословенно отныне и до века!..

Не в качестве лишь исторического вопрос о помочах и толоках может и должен быть допущен на историко-археологический Съезд, — и как вопрос психологический он не может быть чужд этому Съезду, ибо участие психологии и проективной философии дало бы единство, смысл и душу бессвязному собранию археологических вопросов, т.е. открыло бы людям, как сынам, значение безжизненных останков прошедшего, отцов, при превращении проективного, мысленного в действительное, в живое. Психологическое или философское общество может и даже обязано объединить все общества, все съезды от Археологического до естественного в одном общем деле, если, не признавая объективности, оно не ограничится, однако ж, и субъективностью, а признает проективность человеческой мысли.

[Последующий текст со слов «И помочь, и толока начинаются *призывом Бога* в помочь и в толоку» до слов «могут принять участие... как любящие русский народ, так и ненавидящие его» вошел впоследствии в статью «О значении обыденных церквей» (см. в настоящем томе).]

* В смутное время Русская земля была спасена взаимною помощью и толокою, конечно, с Божиею помощью, выразившеюся, между прочим, в действиях Троице-Сергиевской Лавры; 2-й т. актов Археографической Экспедиции представляет богатый материал для изучения мирского дела, это переписка городов между собою о спасении земли. Все акты, относящиеся к этой переписке, нужно было бы выделить из 2-го т. Археографической Экспедиции, — который к тому же вышел уже из продажи и составляет в настоящее время библиографическую редкость, — и, присоединив к ним акты того же содержания из древних источников, издать отдельною книгою. Такая работа, т.е. издание этих актов и исследование на основании их и будет, надо полагать, совершена Нижегородскою Архивною Комиссиею, которая уже начала приготовление к юбилею 1912 года и которая хочет, таким образом, трудом многих лет приобрести право на празднование немногих дней.

**ПО ПОВОДУ СТАТЬИ С.С. СЛУЦКОГО
«ХРАМ СВ. ТРОИЦЫ ПРИ РУМЯНЦЕВСКОМ МУЗЕЕ»¹²¹**

«...Благодарение Богу, христоролюбивое усердие не перестаёт созидать алтари и храмы, и на одной неделе не один алтарь освящен и не один еще готовится к освящению»¹²².

В статье Сергия, скрывшего свою фамилию под 3-мя соединенными, но не сливающимися звездами, как бы под символом Св. Троицы, следовало бы первый эпитаф сократить и оставить только конец, который доказывал бы, что Москва первой половины XIX века была не ниже, не хуже, по чувству, по крайней мере, чем Москва XV, XVI веков, когда строились обыденные храмы. Ответ на это воззвание покажет, способна ли Москва XIX столетия предпочесть сознательно *обычай* древних веков слепой суеверной *моде* нашего отрицательного века.

«Во время внутреннего объединения и освобождения от ига мусульманской орды <пр. Сергий> подымал», во-первых, не знамя только, но и хоругвь Св. Троицы, как бы говоря своим почитателям, что из-за почитания его не следует забывать чтимого им *Триединого Бога*. Во-вторых, не события только (объединение и освобождение) вызвали поклонение Св. Троице, а само поклонение хотело быть подобием нераздельной <и> неслиянной Троицы, хотя и весьма далеким от чтимого образца. Автор отвергает не только живоначальную, но нераздельную и неслиянную Св. Троицу как образец и полагает, что только храм Сергия имеет нужду в пополнении храмом Троицы, который представляет решение вопроса о соединении храма и музея. Согласно статье Сергия***, Москва имеет три органа памяти по числу трех великих духовных деятелей, но отделять трех великих ее деятелей, двигателей объединения, как и разделять самую память, значит действовать не согласно с учением Пресв. Троицы. Церковь соединила память сперва трех святителей, потом присоединила к лику их четвертого, а теперь следует присоединить пятого к собору четырех Московских чудотворцев*, которые также были чтителями Триединого Бога, и день 5-го октября был бы днем памяти не четырех Московских святителей, а пяти Московских чудотворцев¹²³. (Автор оскорбляет Москву, полагая, что не найдется достаточного усердия для бесплатного построения храма.)

Если не должно отделять музеев от храмов, то не следует и совершенно сливать их. Конечно, не те немногие рукописи и старопечатные книги, которые находятся при Успенском Соборе и Чудовом монастыре**, называет автор Музеем, а самые собор и монастырь. Но, не отличая их в нынешнем состоянии от музеев, уничтожают науку и подлинный Музей, так же как если бы Музей в его отдельности от храма назвали храмом, то уничтожили бы веру и сузили знание и дело. Вопрос о соединении светского и духовного,

* Служба святителям могла бы быть заменена службою Российским чудотворцам.

** и которые следовало бы передать в общий Музей, соединение коего со всеми другими Музеями, не исключая Патриаршей ризницы и Синодальной библиотеки, составляет настоятельную необходимость.

знания и веры, Музея и Храма, в высшей степени трудный вопрос, но который стоит на очереди.

В 4-м параграфе говорится, что «для храма нужны только стены, а древние иконы, священные сосуды, книги нашлись бы в хранилище Музея», но тут забывается, что к Евангелию, лежащему на престоле, к сосудам, стоящим на жертвеннике, прикоснуться не могут светские руки.

Первый параграф с недостаточною ясностью высказывает вопрос о том, способна ли Москва, освящавшая не один храм на одной неделе в тридцатых годах XIX столетия во время холеры, будет ли она способна в конце XIX столетия построить храм, имеющий и религиозное, и научное значение?

Второй параграф делает три капитальные ошибки: разделяет органы памяти Москвы, отделяет и трех ее объединителей, лишает догмат Троицы – не только живоначальной, но нераздельной и неслиянной, – значения заповеди и образца, признавая притом, что только Храм Сергия имеет нужду в пополнении храмом Троицы.

Третий параграф: С*** делает из безденежного построения храма (неосуществимый) идеал, а не проект.

Четвертый параграф: говорит догматически о том, что должно быть вопросом о соединении духовного и светского в храме Пресв. Троицы, и заканчивает грехом не на словах, а на деле, посылая деньги.

* * *

Предложение построить *при всех церквах* (к сожалению, эти слова были пропущены), каким бы праздникам или святым они ни были посвящены, Свято-Троицкий храм-школу, Слудскому кажется произволом: «я хочу храм Покрова, а вы навязываете мне Троицкий», т.е. Слудский признает лишь разнь и знать не хочет о единстве, тогда как присоединением к местному храму общехристианского, всемирного, без всякого стеснения устраняется разнь, т.е. вносится единство, всеми в глубине души желанное и чаемое или уже отчаянное. Возражение раскрывает и необходимость соединения храмов Просвещения с храмами Троицы и открывает глубочайший смысл присоединения храмов Троицы ко всем церквам. Это присоединение показывает, что молитвы [не дописано.]

* * *

Вопрос об иконах в память жертвователей есть вопрос очень трудный и очень сложный¹²⁴.

1) Такого рода поминовение должно ли относиться к одним крупным жертвователям? Не должны ли мы почтить память даже того Владимира***, который первый откликнулся (и прислал в редакцию «М<осковских> Ведомостей» 35 рублей) на призыв к сооружению храма Пресв. Троицы, хотя самой жертвы не было, по не зависящим, однако, от жертвователя причинам. Не говорю уже о самом авторе статьи и жертвователе тысячи рублей.

2) Не должно ли на иконе Владимира Святого написать имя этого первозванного жертвователя на храм Пр. Троицы, хотя он, полагаем, еще жив, и да продлит Господь Бог его век и сподобит дожидаться построения храма Животворящей Троицы.

3) Нельзя ли митрополиту Алексию, икона которого имеется в память хранителя Рукописного Отделения А.Е. Викторова, вложить в руки Новый Завет, исправленный с греческого текста и составляющий, вероятно, задушевное дело, дело жизни Святителя? И А.Е., конечно, рад бы был, если бы увидел день, когда издан этот труд творца умственного подъема Московского Государства XIV века!¹²⁵

4) Нельзя ли и другого хранителя того же Отделения почтить, <в> наступающую (8 декабря) годовщину, написанием иконы Святого, имя коего он носит (21 сентября). Паче же всего нужно подумать о том, не злоупотребляем ли мы добротой и щедростью Вячеслава Ивановича, которого я подозреваю и в 1000 рублевом пожертвовании на сооружение храма Пр. Троицы?¹²⁶

Не следует ли по окончании указанных работ просить В.И. приостановить работу, и между тем следует заняться изысканием дня рождения и тезоименитства или вообще даже *биографий жертвователей*? А может быть, и Директор¹²⁷ назначит какую-нибудь сумму на издание этих биографий?

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ В. МАК-ГАХАН «ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ»

(«Русское обозрение». Сентябрь. V глава. «Чего ждут от русской Церкви?»)¹²⁸

Америка, которую знакомит Луис Воллэс в своем романе «Падение Царьграда» с Преп. Сергием¹²⁹, для нас особенно важна тем, что в Америке Православие поставлено иначе к протестантизму и католицизму, чем в Европе. У нас протестантизм в лице штунды торжествует нередко над православием и над русским языком, делаясь орудием обезличивания, тогда как в Америке, по словам одного из самих баптистских проповедников, «протестантизм за последние двадцать лет в Нью-Йорке доказал свою полную несостоятельность»*. Дух Христов оставил их, они преграждают путь христианству. Протестантизм в Америке становится религией богатого класса. Мак-Гахан рассказывает о протестанте, жаждавшем присоединения к Православию¹³⁰.

Что касается до католицизма, то о католиках из славян г-жа Мак-Гахан говорит: «О славянах здешних нам известно исключительно со слухов, *хотя массовое их воссоединение с Православием – факт, совершающийся у всех у нас на глазах*».

* Поставив спасение в зависимость от веры, Протестантизм уничтожил всякую возможность веры, допустив свободное толкование. Только «Общее дело» может спасти веру от свободы толкований.

Русских же Мак-Гахан наблюдает пятнадцать лет и знает во всех подробностях «причины их настоящего желания установления здесь Церкви, ... тем более что, в ожидании учреждения здесь Церкви, русские всех состояний часто сходились вместе, обсуждая, что-то им даст русская Церковь».

«И вот желание их осуществилось – Церковь здесь устроена, и на нее, понятно, не нарадуются, так как она является *плодом усердной, дружной, общей работы русских людей всех состояний*»¹³¹. Итак, *ню-йоркскую церковь* мы должны причислить хотя не к обыденным, но произведениям единоклассия и общего согласия.

И к русским людям, в американской земле сущим, среди инославных пребывающим, и особенно к «русским людям всех состояний, усердною, дружною, общею работою создавшим храм», можно бы обратиться с предложением присоединить *к храму школу*, если у них есть дети, и *присоединить Музей*, если у них есть умершие, наполняющийся иконами святым, тезоименитым умершим, с изображением и самого умершего в молитвенном виде на иконе пред святым, изображенным на ней, а к Синодику присоединить Летопись с (краткой) биографией, хотя бы описывающею участие умершего в деле построения и поддержания храма, а самый храм посвятить Пр. Троице как образцу единоклассия и согласия, которое и создало храм в Нью-Йорке и подает надежду на соединение со всеми инославными и иноверными.

* * *

«Qu'on me cite une armée la mieux composée soit-elle d'où ait jailli spontanément un plan de campagne admirable voire possible; qu'on me cite même un conseil de guerre qui pour la conception, je ne dis pas pour la discussion, d'une manoeuvre militaire ait valu le cerveau du plus mediocre général en chef»¹³². Взятие Дубняка солдатами, после того, как план взятия этой крепости, составленный генералом далеко не дюжинных, не посредственных, а даже больших способностей, не удался, может вполне служить ответом на этот вопрос. <Необходимо отметить также, что> ни один план целой кампании самого гениального полководца никогда не исполнялся так, как был задуман¹³³.

«A-t-on jamais vu un chef d'oeuvre de l'art, en peinture, en sculpture, en architecture aussi et en épopée imaginée et exécutée par l'inspiration collective de 10, de 100 poètes et artistes?»¹³⁴ Обыденные храмы созидались не десятью, ни сотнею, а гораздо большим числом мужиков-плотников. Для нынешних же литераторов и художников, развращенных литературною и художественною собственностью, решительно невозможно коллективное вдохновение. Даже великое дело росписи двухверстной *стены Кремля 3-го Рима*, где могут быть представлены не только прошедшие, но и будущие судьбы мира¹³⁵, объединяемого в новом виде 3-м Римом, не может заставить забыть художественную зависть, самолюбие и жажду наживы нынешних, развращенных до последней степени художников, так что мы можем указать [лишь] на множество примеров многих сотен мужиков-плотников,

забывших всякую зависть, созидających обыденные храмы, и не можем указать ни на один пример десятка, даже пятка, тройцы художников, создавших совокупным трудом даже посредственное художественное произведение.

Случилось на Руси небывалое явление: в русской интеллигенции нашлись люди, которые, по-видимому, и сами не сознавая величия своего проступка или даже преступления, дерзнули не согласиться с последним словом Западной науки, зародившимся по обыкновению в Италии, одобренным и развитым во Франции и Германии, – <дерзнули не согласиться с> мыслью о бесплодности совокупного труда¹³⁶.

На будущем пограничном археологическом Съезде в Риге можно бы представить реферат об обыденных храмах, о том, *что они есть* или были, и *чем они должны быть*. Было ли что-либо аналогичное этим храмам на Западе?

К КОММЕНТАРИЮ О ХРАМАХ ОБЫДЕННЫХ ¹³⁷

Называя «Обыденные храмы» памятниками согласия и единодушия, мы не даем им полного определения, ибо согласием и единодушием обозначается лишь способ их происхождения или произведения, но не указывается даже ни причина, ни цель их строения. Великие беды вырастили на Русской земле обыденные храмы. Хотя беды и скорби нередки на земле вообще, а на русской в особенности, тем не менее эти произведения бед и скорбей встречаются не часто. Храмы, как выражение религии, суть произведения общего всем людям бедствия – смертности, а обыденные храмы – произведения чрезвычайной смертности, т.е. такого времени, когда утраты учащаются и смертность чувствуется живее. При обыкновенной смертности сознание временности и ограниченности, чувство смертности притупляется, а при чрезвычайной – обостряется. Строением обыденных храмов выражается единодушная молитва о спасении не живущих только, но главным образом о спасении умерших, т.е. *молитва* всех живущих о всех умерших. Каждый обыденный храм указывает, что на этом месте была один день церковь, Церковь *действительная в смысле согласия*.

* * *

Обыденный храм заключает в себе *minimum* дарового и *maximum* трудового, труда безденежного, бесплатного¹³⁸. Сама судьба «обыденный храм» сделала исходным пунктом всего *дела*.

До сих пор мы рассматривали обыденные храмы как памятники единомыслия, единодушия и согласия и как средство восстановления единодушия. Теперь же будем рассматривать не как места молитвы, а как самую *молитву*, как внешнее ее выражение, – *молитву о всех умерших*, т.е. храм есть *прототип самого дела воскрешения* или обращения падающих миров посредством воскрешенных поколений во вселенную, в одушевленные ими миры, удерживаемые от падения правящим ими (мирами) разумом воскрешенных поколений. Храм же есть лишь художественный образ человека

или сынов человеческих, обращенных к небу, или храм есть дело сынов человеческих, точно по гласу которых гробовые плиты с изображениями отцов, принимая вертикальное положение, поднимаются ряд за рядом, становятся один над другим, образуя параллельный кажущемуся небу свод; т.е. храм есть изображение земли, отдающей своих мертвецов, и изображение неба, населяемого вставшими поколениями. Такой храм есть произведение искусственной, на земной механике основанной архитектуры, преобразующей кажущееся небо до коперниканской астрономии. Искусство же сынов человеческих, на небесной механике основанное, как наука о земле, на физике и химии, неорганической и органической, земной коры основанная, восстанавливая умерших [не дописано.]

Для живущих сынов воскрешение умерших отцов, оживление их – такая же необходимая принадлежность, как для всякого тела – притяжение, как для теплоты – согревание. Храм есть выражение этого свойства. С востанием живущих и обращением их к небу поднимаются от земли и умершие, т.е. их изображения, вызванные нравственной необходимостью, невозможностью вынести их отсутствие. По нравственной же необходимости сыны человеческие не могут оставить их, <умерших отцов,> в розни, а собирают их в храмы, созидают из них храмы. Музей, как подобие, без храма не может быть. Музей проективный требует вышки (обсерватории).

Крестное знамение, на себя или из себя творимое вставшим, подымавшимся* существом, преклоняющимся (в виде распростертых, к небу поднятых, рук), есть лишь начало внешнего выражения молитвы; последний вздох умершего, улетевший к небу, и вызвал подъем. Храм, совмещающий все искусства, есть также внешнее выражение молитвы, и не последнее. Он, храм, есть изображение подымавшегося, вставшего, к небу обращенного существа. Храм из надгробных плит выражает неотделимость живущих от умерших, сынов от отцов: поднимается он (живущий), встают и отцы. Такой храм есть не только изображение молящегося сына, но изображение <и> предмета молитвы, отцов. Всеобщее воскрешение есть также молитва об отцах, всеми силами природы производимая**.

КАЧИМСКАЯ ШКОЛА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ 139

В школе, особенно в школе-храме – храме Троицы – кроется опровержение и толстовского неделания, и дарвиновского уподобления человеческого рода скотам.

В этой работе осуществляется слово Спасителя «Будьте как дети», не дитя, а дети, дается заповедь к людям, взятым не в отдельности, а в их совокупности.

Быль о том, как построили дети школу, которая естественно оканчивается, завершается словами: «*будьте* же как дети», – обращенными ко всей

* Как выражение душевного подъема, вертикальное положение есть выражение внутреннего подъема, первого религиозного подъема.

** Отделите тут дело от молитвы!

России. Быль о строении будет началом летописи, а изображение строителей в отдельности и в их совокупной работе будет началом Музея, портретной и картинной галереи, и Музей будет тем более расти, чем больше будет таких церковных сторожей, унтер-офицеров и мужиков-проповедников, таких великих героев.

НИНЕВИТЯНЕ И РУССКИЕ. ДВА СПОСОБА ПОКАЯНИЯ ¹⁴⁰

Народ, созидавший обыденные храмы, превзошел в самоосуждении и раскаянии ниневитян, превзошел, можно сказать, как Новый завет превосходит Ветхий. Не пост только трехдневный всеобязательный налагал на себя Русский народ, а выразил <свое покаяние> в однодневном или даже, может быть, вернее будет сказать – в трехдневном храмостроительстве, равном пребыванию Христа во аде и Ионы во чреве китовом. Если русские, строя обыденные храмы, и не видели в этом подобия Христу, то тем не менее оно, <это> уподобление, было. И если на стене, отделяющей храм научения, оглашения от храма искупления или воскресения, изобразим на одной стороне Страшный суд и ад, а на другой – покаяние ниневитян и воскресение Христа в виде схождения во ад, – это и будет картина ада разрушения и рая созидания или предначертание обращения темной, бессознательной силы в светлую. Таковые-то храмы и должны бы быть созданы во всей России к юбилею открытия мощей Преподобного Сергия <5 июля 1922 года>.

А что значат слова: «другого знаменания не будет вам дано, кроме чуда пророка Ионы»?.. «Ниневитяне покаялись, а zde больше Ионы» <(Матф. XII, 39–41, XVI, 4; Луки XI, 29–32)>.

В таком изображении на одной стороне Страшного суда, а на другой стороне покаяния (ниневитян) и воскресения как разрушения ада, не будет ли такое изображение явным указанием на условность пророчеств о кончине мира, на то, что пророчества эти лишь угроза, которая должна привести к раскаянию.

ОБЫДЕННЫЕ ЦЕРКВИ И ПРЕП. СЕРГИЙ ¹⁴¹

Обыденные храмы как памятники единодушия и согласия.

Обыденные храмы как указатели могущества, которое может дать объединение в общем деле, и о пр. Сергии, в качестве чтителя Св. Троицы как образца единодушия и согласия имеющем всемирное значение

Обыденный храм, храм, в один день, в одну ночь воздвигаемый, трудом безденежным, многими как одним человеком, как бы он ни был мал, есть *чудо*, которое может творить только глубокое единодушие и полное согласие, <чудо,> отвергающее и циничное убеждение нашего века, что вера без денег мертва есть, и доказывающее, что в глубине души народной и вообще людской, в глубине, которая вскрывается лишь в години великих общих

бедствий, лежит ненарушимое единство, согласие, нераздельность; и социальные, революционные бури, даже самые сильные, суть лишь поверхностные явления.

В этом-то единодушии, которое, соединяя многих для одного дела, создавало храмы в один день, и заключается разгадка того, что такое Россия, к чему она способна, т.е. в чем заключается ее самостоятельность, что ей нужно делать. В минуты, правда очень редкие, согласного действия, она, Российская земля, исполняла заповедь Бога, которую еще не вполне со знавала.

Открытие, разрешение этой загадки – вопроса, *чем мы должны быть*, – принадлежит по праву преп. Сергия, строителю храма нераздельной, неслиянной Троицы как образца единодушия и согласия животворящего. Этот храм был и будет обличением раздора и указанием на нашу цель, на нашу задачу, будет ответом на наш вопрос.

С обретением мощей пр. Сергия возжигается светильник пред храмом нераздельной Троицы, как пред образом, который должна видеть вся Русская земля, чтобы почувствовать во всей силе грех усобицы и розни. Возвращение на этот образ единодушия и согласия и спасло Русскую землю от Шемякинской усобицы в то самое время, когда появились... [не дописано].¹⁴²

ЗАМЕТКИ О ПРЕП. СЕРГИИ РАДОНЕЖСКОМ ¹⁴³

Общежитие, введенное пр. Сергием, было, как справедливо замечает новейший жизнеописатель преп. Сергия, восстановлением первоначальной христианской общины, у которой, по выражению книги «Деяний апостольских», было одно сердце и одна душа...¹⁴⁴

Община же апостольского дела была устроена по завещанию самого Господа, просившего у Отца Небесного в молитве, закончившей последнюю Его беседу на земле, чтобы Его ученики и последователи были в таких <же> отношениях друг к другу, в каких Он сам находится с Отцом. «Да будут едино, якоже и Мы»¹⁴⁵ – эта мысль составляет основу догмата Пресвятой Троицы и заповеди общежития, первоначально бывшей законом для всех, а позднее требовавшейся от немногих, составивших особое, так сказать, сословие, звание; и в этом ограничении нужно видеть не улучшение, а ухудшение.

Таково небесное происхождение общежития, или общинножития, введенного в Московском государстве пр. Сергием <и> служившего, можно сказать, завершением поземельной общины великороссийского народа, для которой <это общинножитие> могло бы в некотором отношении служить образцом. Население монастырей, основанных преп. Сергием, его учениками и последователями, выходило преимущественно из сельского общежития, потому земным источником монастырского общежития и нужно признать сельскую поземельную великороссийскую общину.

Пр. Сергий начал с единожития, как и многие из его последователей. «Пребывшу ему в пустыне единому единствовавшу или две лете...»¹⁴⁶ Действительно, нужно хотя *некоторое время единому единствовати*, чтобы

надлежащим образом оценить *три- или многоединствование*. Только живущие в миру, *не испытывавшие* одиночества могут в *единствовании* видеть желательное, идеальное существование. Сергей же с братом, удалившись из мира, воздвигли храм *Триединому Богу*, как бы показывая этим, что *высшим состоянием* они признают не *единожитие*, а *житие многих в единстве*. Сергей, твердо выдержав искус единожития, чего не выдержал его брат, считал, однако, *единожитие* лишь временным. Невзрачная местность, в которой преп. Сергей основал свою обитель, показывает, что он <одною жизнью> хотел жить с людьми, а не с природою*. Друг Алексия, переписавшего собственноручно Новый Завет, не мог не иметь во время своего единожития Евангелие – книгу общественного служения. Для Сергея догмат Троицы не мог быть безжизненным, как для нашего времени.

* * *

Вероятно, преп. Сергей изображался со всеми нарочитыми читателями Пресв. Троицы¹⁴⁷.

Господин N сообщает об иконе в селе Подольского уезда Московской губернии, на которой изображены святые, по-видимому ничего <общего> между собою не имеющие. Великомученица первых веков христианства Варвара и великий подвижник Русской земли преп. Сергей, – но изображенный над ними образ Пресвятой Троицы указывает, что глубокая любовь ко Триединому Богу и есть то общее, что заставило иконописно соединять в одной иконе святых разных веков и разных стран.

Для нашего времени, которое почерпает свои понятия о Пресвятой Троице из катехизисов и Догматических богословий, трудно понять такую любовь, какую питал к ней русский святой XIV века и дева илиопольская или никомедийская IV, или, вернее, [второй половины] III века. А между тем в стране, которую погубила рознь, отдала ее на разорение и расхищение, совершенно понятно появление читателя Св. Троицы как образца согласия и единокровия, под влиянием которой объединилась разъединенная земля. Дева илиопольская, бывшая ученица Оригена, который видел в Пресвятой Троице образец для Христианского общества, имевшего как бы одну душу, могла для Пресвятой Троицы в этом смысле сделаться чительницею, исповедницею, мученицею.

Для народа Великомученица Варвара стала спасительницею от бурь и гроз и в то же время покровительницею огненного боя (артиллерии), что будет совершенно понятно, если взрывчатые вещества станут средством спасения <от> метеорических погромов.

* * *

В 1893 г. в предисловии к «Сказанию о построении обыденных, или обетных, Церквей»¹⁴⁸, посвященному 501 годовщине памяти Преп. Сергия, было указано на недостаточное прославление его памяти в день пятистотле-

* Видение иконы указывает на то же, т.е. не единожитие было его мечтою.

тия его кончины и выражено желание, чтобы ко пятисотлетней годовщине открытия его мощей, ко дню, когда Господь прославил его, и мы достойным образом почтили бы его память, воздвигнув повсеместно храмы *Тому, Кого он выше всего чтит*, притом храмы-школы, дабы и детей приобщить к прославлению Его, дабы из уст младенцев была совершена хвала Ему. В той же книге «Чтений», в которой помещено было Сказание с предисловием, даже вслед за ним, появляется первое еще исследование у нас о канонизациях русских святых¹⁴⁹. К 4-м главам, обнимающим всю прошлую Историю канонизации, должно бы прибавить еще статью о том, как нужно праздновать юбилей канонизаций, показать, почему празднование дней канонизаций, прославления, должно быть поставлено выше поминаения дней кончины. Понятно, что дни, когда мы по физической необходимости скрываем под землю даже чтимых нами великих подвижников, не могут быть поставлены выше дней, когда по нравственной необходимости они выступили из земли. Особенною необходимостью, вызвавшею явление мощей преп. Сергия, или его мощи, было прежде всего нарушение нового порядка престолонаследия, или залога единства Русской земли. Новый порядок престолонаследия настолько казался неестественным, что едва не вызвал усобицы при жизни Сергия, тотчас по смерти Дмитрия Донского между другом и сподвижником Донского и его, Донского, сыном Василием¹⁵⁰. Второю необходимостью прославления читателя Св. Троицы было восстановление могущества врагов Св. Троицы в лице двух Царств, Казанского и Крымского, после поражения, нанесенного Золотой Орде Тимуром. Хотя Москва видела только отблеск, зарницу Тимуровой грозы, тем не менее Тимур больше возвысил Москву, чем Наполеон. *Икона Богоматери*, вынесенная из Киева Боголюбским, теперь перенесена в Москву, и стала Москва Новым Владимиром и вторым Киевом, т.е. столицей, остановила ход и закрепила его двумя храмами, Сретенским и Владимирским, так же, как и Казанская икона, после освобождения от насилий Запада, устроила два храма: Введения и собор Казанский¹⁵¹.

* * *

За три года до смерти сына Донского¹⁵² и отца несчастного Василия Темного, в предчувствии страшной усобицы*, от которой Господь хранил еще Московское княжество, начинается прославление того, кто поставлен был душеприказчиком нового порядка наследования, возжигается светильник пред храмом нераздельной Троицы, как пред образом, который должна видеть вся Русская земля, чтобы почувствовать во всей силе грех усобиц и розни.

Подобно тому, как пред первую страшную усобицею (так как усобицы были уже испытаны, уже начались) началось прославление братской любви

* Усобица, можно сказать, *уже началась*, когда дядя несовершеннолетнего племянника отказались признать его старшинство, — что было еще при жизни Василия Дмитриевича¹⁵³. Игумен Сергей, подписавшийся под духовным завещанием, — теперь, когда завещание стало нарушаться, подверглось лжетолкованиям, — является уже прославленным, выступает из земли, чтобы исполнить долг душеприказчества.

в лице двух братьев Бориса и Глеба¹⁵⁴, так и теперь, когда только что появившемуся единству стала грозить опасность, начинается прославление охранителя единства преп. Сергия, как бы явившегося на помощь малолетнему внуку Донского. XIV век, век Сергия, окончился счастливо для Московского государства: Великие Болгары и Малая еще тогда Казань была взята, но только Василь-Сурск был закреплен, но не появилось ни Василь-Свияжска, ни Василь-Казанска. Оттого и Нижний Новгород, закрепленный Сергием, мог искать союзника за Окой¹⁵⁵ и допущено [было] новое возрождение для царства Аллаха, преградившее движение по Волге, отдавшее всю землю в жертву набегов, и умиротворение степи не могло начаться.

Таким образом, *начало прославления* Пр. Сергия – читателя Святой *Нераздельной Животворящей Троицы* – совпадает с *началом* усобиц и с *восстановлением* могущества противников Св. Троицы в лице двух царств *Казанского и Крымского*.

* * *

Если мы хотим определить Владимира Мономаха одним словом, хотим дать характеристику в виде одной поговорки, то мы должны назвать его *читателем Бориса и Глеба*¹⁵⁶, подобно тому, как Пр. Сергий назван своим жизнеописателем – *читателем Пресвятой Троицы*, – и этим был определен не только характер пособника собирателей Русской земли и освободителей ее от хулителей Св. Троицы, но и характер Московской Руси. *Киевская* же Русь (народ) вместе с Мономахом была читателем Бориса и Глеба. Определение по предмету почитания не есть ли наилучшее определение: скажи мне, кто твой Бог, и я скажу тебе, кто ты таков.

Можно ли Петра I-го определить *читателем Александра Невского*? Петр, развращенный иностранцами, будучи читателем Александра Невского, не был его подобием в жизни. Если Петр дал своему второму сыну имя Александра, в честь победителя шведов на Неве и немцев на Ледовом побоище, тогда, когда он наиболее находился под влиянием немцев, то не показывает ли это почитание на истинное его отношение к иностранцам? Петр, спасенный Троицкою Лаврою Пр. Сергия¹⁵⁷, не только заменяет Москву новым городом, но и дает этому новому городу «Новую Троицкую Лавру», заменяя Сергия Радонежского Александром Невским¹⁵⁸. Не показывает ли это, что образец, чтимый Пр. Сергием и Москву, останется образцом и для новой главы Русского государства. Есть сходство победителя на Ворскле и победителя на Неве по отношению к Востоку, первого к туркам, второго к татарам.

* * *

Статья о юбилее Пр. Сергия указывает на *естественный* (а не искусственный, придуманный) способ, каким *сам народ* может дать себе или *создать себе* школу. Народ, крещенный еще с X-го века без оглашения (без предварительного обучения, т.е. без школы), теперь со своим восприимчивым во главе завершает свое крещение в XX веке, к 1922 году, создавая

себе школу, крестится верою и знанием, приходит к сознанию своего общего долга, общего дела*. Если первая статья <(о юбилее преп. Сергия)> говорит, что в создании храма-школы *пока* соединяется *все*, для чего требуется ум (знание) и искусство, то вторая статья (о юбилее Каразина)¹⁵⁹ указывает на новое средство, на орудие внехрамового искусства, обращения смертоносной силы природы в живоносную, в котором может проявиться *поминовение* не мыслию, не словом, картиною, а делом.

Создание школы совокупными силами есть великий образовательный акт <(говорится о построении Качимской школы)>, сказание о котором, повесть о нем должна быть положена в основу теоретического образования, потому что самое образование есть лишь теория действия, или, точнее, проект дела, слово о деле совокупном, общем, образец коего дан в учении о Троице.

Вся История России (т.е. История народа, государства, Церкви) есть крещение во имя *Троицы*, т.е. не в одиночку, воспитание *всеобщее*. Крещение без оглашения, как крестят несовершеннолетних, требует всеобщего обязательного образования (для совершеннолетия) и восприемника, имеющего силу ввести всеобщее обязательное образование. *Самодержавие* в христианском смысле есть *восприимничество*. Император – предводитель народа, обращенного в войско, есть вместе восприемник – наставник всех детей этого служилого народа. В народном сознании Владимир Мономах – чтитель св. братьев Бориса и Глеба – не отделим от Владимира – восприемника народа от купели и от Владимира – основателя города Владимира, которого Москва была преемницею, и князья Московские сохранили титул Владимирских. Этого-то Владимира Москва пожелала *прикрепить к Горам Кремлевским как к центру, прикрепив и весь народ к Русской земле*, т.е. обратив всех на службу государству. С.Петербург политическое крепостное право, <т.е.> государственную службу, обратил в <службу частную>, в барщину для крестьян, для большинства, и то, что для Москвы было непоследовательностью, злоупотреблением, то С.Петербург сделал законом; <а> затем, уничтожая возведенное в закон злоупотребление, уничтожил вместе с барщиною и общую службу государству и тем лишил смысла и самодержавие, и церковь, и народность. Всеобщая воинская повинность была бы возвращением к старине, к Москве, если бы с нею было неразрывно соединено всеобщее обязательное образование¹⁶¹.

Переходы крестьянские нравственно были бы непонятны, если бы большинство их (по крайней мере) не были, вероятно, ограничены небольшими пространствами, не оставляя могил предков. – Бояре при переездах не теряли вотчин, а крестьянские переходы совершались, надо полагать, в пределах своего рода вотчины, <в пределах одного прихода,> не удаляясь от могил отцов.

* Земские же школы играют роль злого духа, который указывает на комфорт как на последнюю цель человеческого рода, отрицая и веру, и надежды, тогда как крещение, оканчивающее оглашение, прилагает веру и знание к делу¹⁶⁰.

Мы так привыкли жить из дня в день, жить для настоящего, притом настоящего в самом узком смысле, что предложение начать теперь же приготовление к празднованию юбилея открытия мощей преп. Сергия, к 5 июля 1922 года кажется очень странным. <Но> это приготовление к *достойному* празднованию 500-летнего юбилея прославления памяти преп. Сергия вмещает в себе весь вопрос о *народном просвещении*, т.е. <о> теснейшем сближении двух сословий, так называемого интеллигентного, или дворянского, помещичьего, с крестьянским, <об> устранинии розни между церковным и земским и примирении духовного и светского.

Принятие на себя помещиком звания учителя, что, конечно, имеет в виду не помещика унижить, а учителя деревенского возвысить, придаст помещику нравственное и даже религиозное значение, ибо дворянство – служилое сословие – есть потомок восприемника при крещении народа, который не мог исполнить этого обязательства, дела, потому что был отвлекаем войною, которая не прекращалась со стороны степи до самого освобождения <дворянства> от обязательной службы. Освобождение от службы было историческою ошибкою. Освобождение от обязательной службы повлекло бы за собою и возвращение поместий государству, если бы оно не было заменено учительством. Принятие <на себя дворянством учительства> есть дело прежде всего справедливости, но оно же и средство спасения для этого сословия, ибо вообще в деле, *в деле общем* заключается спасение; потому-то противники христианства <и> требуют *не-делания*. *Не-делание* есть последнее слово грамоты о вольности дворянства.

Недумание, или торжество земледельца, т.е. торжество невежества, и неделание, или торжество тунеядства или дворянства, осужденного уже грамотою о вольностях на бездействие. Все это, т.е. не-думание и неделание, требуется во имя блага, которое состоит в уничтожении. Если благо есть ничто, то это, конечно, значит, что его нет, и говорить, что оно есть, значит издеваться над человеческим смыслом – вот «Смысл жизни», открытый Толстым.

ЧТО ТАКОЕ ОТЕЧЕСТВОВЕДЕНИЕ?¹⁶³

Вопрос Кремлевский, вопрос знания и дела. Вопрос о прахе отцов и его защите при разъединении и об его оживлении при объединении всех живущих сынов. Забывая о прахе, религия обращается в философию, которая вопрос о разрушении и смерти заменяет вопросом о происхождении и во всей природе видит рождение, не замечая смерти.

Вопрос Кремля как кладбища, которое было крепостью, пока существовала и существует вражда, станет *вопросом о прахе*, когда начнется *умиротворение*, станет вопросом о том, как должны относиться живущие к праху, который некогда жил и который есть прах их отцов. Без постановки же вопроса о прахе умиротворение невозможно.